

ЛУЧШИЙ ИЗ АВТОРОВ СОВРЕМЕННЫХ ТРИЛЛЕРОВ.
ROCKY MOUNTAIN NEWS

СТИВЕН ХАНТТЕР

САМЫЙ
НАСТОЯЩИЙ
МУЖСКОЙ
ТРИЛЛЕР.

THE NEW YORK
TIMES BOOK
REVIEW

ЧЕРНЫЙ СВЕТ

Боб Ли Свэггер

Стивен Хантер

Черный свет

«Азбука-Аттикус»

1996

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Хантер С.

Черный свет / С. Хантер — «Азбука-Аттикус», 1996 — (Боб Ли Свэггер)

ISBN 978-5-389-21580-1

Боб Ли Свэггер, прославленный герой Вьетнамской войны и один из лучших стрелков Америки, давно вышел в отставку, ведет уединенный образ жизни и вроде бы всем доволен. Однажды к нему приезжает молодой журналист, задумавший написать книгу об отце Боба, участнике Второй мировой, а впоследствии полицейском, убитом бандитами. Сын не может отказать журналисту в помощи по сбору материалов, ведь речь идет об отце, и вот в ходе поисков выясняется, что обстоятельства убийства Свэггера-старшего вовсе не такие, как их представило следствие. Мало того, на Боба начинают охоту и дважды пытаются его ликвидировать. А за всем этим – и делами прошлого, и событиями настоящего – стоит некая могущественная фигура. И Боб Ли Свэггер ступает на тропу войны. Охотник и жертва меняются ролями... Ранее роман выходил под названием «Невидимый свет».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-21580-1

© Хантер С., 1996
© Азбука-Аттикус, 1996

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	42
Глава 6	46
Глава 7	50
Глава 8	57
Глава 9	60
Глава 10	64
Глава 11	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Стивен Хантер

Черный свет

Моему сыну Джейку

*Все так ветхо-ветхо, все так ветхо и грустно, все так грустно
и жухло, и вот я возвращаюсь к вам, мой хладный отец, мой хладный
буйный отец...*

Джеймс Джойс. Поминки по Финнегану (перевод Андрея Рене)

Stephen Hunter
BLACK LIGHT
Copyright © 1996 by Stephen Hunter
All rights reserved

Перевод с английского Ирины Новоселецкой

© И. П. Новоселецкая, перевод, 2000

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство АЗБУКА®

Глава 1

Сегодня из Форт-Смита до городка Блу-Ай, расположенного южнее, но в том же округе Полк, по автостраде Гарри-Этеридж-мемориал-паркуэй езды около часа. Это замечательная дорога, одна из лучших в Америке, хотя местные циники прозвали ее поросячьей тропой¹. Ожидалось, что благодаря Гарри-Этеридж-мемориал-паркуэй округ Полк превратится в Брэнсон² Западного Арканзаса, но этого не произошло. По пути вам встретятся развевающиеся на ветру флажки, указывающие на придорожные стоянки для отдыха с закусочными и бензоколонками. Вывески мотелей с такими громкими названиями, как «Дейз инн», «Холидей инн», «Рамада инн», видны прямо с шоссе, хотя сами гостиницы бывают заполнены в лучшем случае наполовину. Всеми ожидаемый земельный бум в округе Полк так и не разразился. А места здесь красивые, особенно ближе к Блу-Ай, административному центру округа: перед вашим взором вырастают горы Уошито – вздымающиеся волны сосновых лесов и скал. Это единственный горный хребет в Америке, тянувшийся с запада на восток.

Автострада была построена в 1995 году на деньги сына Гарри Этериджа, Холлиса, в то время члена Конгресса США, а позже кандидата на пост президента. Холлис Этеридж хотел увековечить память своего отца, поистине великого американца. Выходец из бедной семьи, жившей в округе Полк, он проложил себе путь к славе и благосостоянию, сначала став участником напряженной политической борьбы в Форт-Смите, а затем оказавшись в коридорах власти Вашингтона, где он в течение тридцати лет был конгрессменом и долго возглавлял комитет Палаты представителей по выделению средств на нужды обороны. Граждане округа Полк и Форт-Смита просто обязаны были почтить память человека, прославившего их край и своим покровительством способствовавшего его процветанию.

В 1955 году автострады не было и в помине; никто даже не предполагал, что ее могут построить. Из Блу-Ай в большой город добирались тем же путем, что и Гарри вскоре после окончания Второй мировой войны, то есть по извилистому и неровному Семьдесят первому шоссе, которое и дорогой-то трудно было назвать: через горы и поля тянулись две узкие полосы разбитого асфальта, чуть расширяющиеся через каждые десять миль, там, где стояли захолустные невзрачные городишки – Хантингтон, Мэнсфилд, Нидмор, Боулз и Уай-Сити, самый бедный и жалкий из них. Всюду, куда ни кинь взгляд, то неводеланные склоны холмов с неплодородной почвой, то долины, где, не разгибая спины, трудятся доведенные до отчаяния люди, чтобы хоть как-то прокормиться. Время от времени встречаются участки обработанной земли, но еще чаще – унылые лачуги испольщиков. Таким представал вашему взору убогий ландшафт одного из самых нищих американских штатов.

Знойным июльским утром того года, в субботу, у обочины Семьдесят первого шоссе, соединяющего округа Полк и Скотт, в двенадцати милях к северу от Блу-Ай, притормозил черно-белый полицейский «форд». Из машины вылез высокий мужчина и, сняв ковбойскую шляпу, рукавом рубашки отер со лба пот. Судя по трем желтым полоскам на погонах, он носил звание сержанта. Седые волосы ежиком, тусклый взгляд, лицо, разучившееся удивляться, – в общем, типичная внешность полицейского или армейского сержанта последних четырех тысячелетий. Загрубелая кожа лица иссечена морщинами. За долгие годы солнце так иссушило и выжгло ее, что она стала сродни шкуре ископаемого животного. Разрез глаз узкий, но взгляд – пронизательный, замечающий малейшие детали и в то же время ничего не выражающий, а голос – густой и пронзительно скрипучий, будто кто-то пилит твердую древесину трехсотлет-

¹ Игра слов: parkway – парковая дорога; porkway – поросячья тропа. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

² Вероятно, имеется в виду город *Брэнсон* в штате Миссури, популярный у туристов.

ней сосны пилой трехсотлетней давности. Сержанта звали Эрл Свэггер, и ему было сорок пять лет.

Эрл огляделся. В этом месте дорога врезалась в склон холма, разрубая его на две половины, наподобие высоких берегов реки, и убегала вниз. Смотреть было не на что, разве только на дурацкий щит, рекламировавший бензин компании «Тексако». Южный склон покрывал подступающий к самой дороге непроходимый лес – запутанный лабиринт из ежовых сосен, кра- сильного дуба и карий с колючими кустами шиповника и арканзасской юккой. Воздух пропитан пылью – ни ветерка, ни малейшего дыхания бодрящей свежести, присущей горным районам. Оглянувшись на Блу-Ай, можно было видеть только массивный горб горы Фурш, казавшейся огромной зеленой стеной. На дороге валялся изрубленный броненосец, с которого содрали панцирь. Гудение цикад в жарком, неподвижном воздухе было похоже на нестройную игру квартета пьяных варганистов. Дожди не шли очень давно, уже несколько недель; стоял сезон лесных пожаров. Свэггеру все это напомнило Тараву, Сайпан, Иводзиму – там было так же жарко и пыльно.

Он взглянул на свои часы марки «Бьюлова»: 9:45. Рановато приехал. Правда, он почти всегда прибывает раньше времени. Остальные появятся минут через пятнадцать. Эрл надел шляпу и поправил на правом боку кобуру с кольцом калибра.357. Тяжелый револьвер оття- гивал ремень, и ему постоянно приходилось следить за тем, чтобы оружие не съезжало в сто- рону. В ячейках поясного ремня сверкнули тридцать блестящих патронов. Блестящих, потому что он, в отличие от своих коллег, каждый вечер вынимал их из ячеек и тщательно протирал, оберегая от ржавчины, ведь кожа хорошо впитывает влагу. Пятнадцать лет службы в морской пехоте многому научили Эрла, но самый важный из усвоенных уроков – это необходимость постоянно заботиться о своем снаряжении.

Двадцать третье июля 1955 года – до чего же грустный, унылый день, а ведь вчера еще все предвещало удачу и счастье. После трехмесячного заключения в тюрьме округа Себастьян, рас- положенной в Форт-Смите, выйдет на свободу Джимми Пай. Буб, двоюродный брат Джимми, встретит его у ворот тюрьмы, а потом они сядут в автобус, следующий в округ Полк. Эрл под- берет их в половине пятого вечера, чтобы отвезти Джимми в Нанли, на лесопилку к Майку Логану – тот обещал устроить парня на работу. Момент очень важный: во избежание оче- редного ареста Джимми должен иметь возможность начать новую, праведную жизнь. И черт побери, Эрл обещал Эди, жене Джимми, лично проследить, чтобы ее муж теперь-то уж напрочь и бесповоротно порвал с преступным прошлым. Впервые Эрл арестовал Джимми, причем без особой охоты, в 1950 году – за обычную кражу со взломом; тогда парню было всего шестна- дцать. В 1952 году Джимми опять угодил за решетку, в 1953-м – еще дважды. И каждый раз покидал тюрьму в добром здравии. Талантливый парень – видный, красивый, когда учился в школе, считался лучшим спортсменом в округе Полк и к тому же обладал даром очаровывать людей, вызывать к себе участие. Воспитанием Джимми никто не занимался, ведь его отец погиб на Иводземе. Когда тот умирал, Эрл поклялся, что приглядит за его сыном, но обещания, дан- ные на поле боя, в мирных условиях оказалось выполнять не так-то легко. Джун, жена Эрла, однажды даже заявила: «Клянусь, Эрл, об этом невоспитанном оборванце ты печешься больше, чем о собственном сыне». Джун, конечно, преувеличивала, но Эрл понимал, что так, возможно, думают многие. Глядя на Джимми, охотно верилось, что он наверняка мог бы добиться в жизни всего, о чем мечтал для него отец: парень был неглуп, сумел бы учиться в колледже и, если его направить по верному пути, замечательно устроился бы в жизни. В двадцать один год Джимми женился на самой красивой девушке в округе. Но в нем словно сидела какая-то пружина: сто- ило получить то, что недоступно другим, – Эди Уайт, например, – как он тут же отказывался от своего счастья.

Итак, этот день должен был стать торжественным – с учетом того, что долгое трехмесячное заключение перевоспитает любого. Перед Джимми с Эди открывалась новая жизнь, Эрл выполнил все обещания, данные отцу Джимми, всех их ожидало светлое будущее.

Эрл заметил на дороге движение: со стороны Блу-Ай к нему приближалась черная полицейская машина. Фургон затормозил, и из него вышел рослый мужчина – Лем Толливер, помощник шерифа Блу-Ай. Увидев его, Эрл сразу вспомнил, зачем он здесь.

– Привет, Эрл, – поздоровался подъехавший. – Мы опоздали или ты явился раньше времени?

– Я рано приехал. Да к тому же этих чертовых собак все равно пока нет. Надеюсь, старик, будь он проклят, не забыл.

– Вспомнит, – отозвался помощник шерифа и, повернувшись, открыл заднюю дверцу. – Ладно, ребята, выходи. Приехали.

Из кузова выкарабкались двое загорелых немолодых мужчин в тюремных робах. Эрл знал их: Лам и Джед Поузи проводили гораздо больше времени в тюрьме Блу-Ай, чем на свободе, вступая в столкновение с властями при каждом удобном случае. Обычно они незаконно торговали виски (одна из основных проблем федеральной полиции), промышляли мелким воровством, угоняли машины, крали в магазинах – в общем, тащили все, что давало возможность запихнуть в брюхо лишний кусок. Однако, по мнению Эрла, братья не представляли опасности для общества.

– Ты уверен, что стоит городить огород ради негритянки? – поинтересовался Джед Поузи. – Какая тебе разница? Пусть ниггеры сами об этом беспокоятся.

– Заткнись, Джед, – ответил Эрл. – Дай ему по башке, Лем, если будет и дальше нести чепуху. Его привезли сюда работать, а не болтать.

– Уж больно ты любезничаешь с ниггерами, – продолжал Джед. – Все это знают. А они наглеют на глазах. Говорят, сюда направляются черномазые с севера, чтобы расшевелить наших. Еврейские делишки. Эти пейсатые разработали план, как захватить власть, соображаешь? Хотят отдать наших девчонок громилам-ниггерам. Понимаешь?

– Слушай, Джед, заткни пасть, – рявкнул Эрл. – Больше предупреждать не буду. Я по десять раз не повторяю. Это с тобой надо поменьше любезничать.

Эрл имел репутацию смелого и жесткого человека; в честной драке, да и в нечестной тоже, он переломал бы Джеду Поузи кости, а потом вытер об него ноги. Увидев, что Эрл разозлился, Джед тут же пошел на попятную. Эрлу Свэгтеру не перечили.

– Все, молчу, Эрл. Не обращай на меня внимания.

Лем перочинным ножиком отрезал клинышек прессованного табака «Браунз мьюл» и сунул в рот, на левую сторону. Щека оттопырилась, словно набитый золотом мешок. Лем предложил табак Эрлу.

– Нет, спасибо, – отказался Свэгтер, – у меня пока нет такой дурацкой привычки.

– Много теряешь, Эрл, – улыбнулся Лем, раздувая щеки, и в придорожную пыль полетел комок тягучей коричневой слюны.

В этот момент внизу на дороге показался третий, последний автомобиль. Оставляя позади шлейф синего дыма, тарахтя старым двигателем, по склону с пыхтением полз дряхлый «нэш», выпущенный двадцать лет назад. Пару раз мотор дал сбой, но легковушка все же преодолела подъем и остановился на обочине, рядом с двумя припаркованными автомобилями. Почти вся верхняя часть кузова была срезана газовой горелкой, отчего «нэш» стал похож на пикап. На землю бойко спрыгнул немолодой мужчина неопределенного возраста в грязной спецодежде; на голове – фуражка строительного рабочего, лицо заросло бородой. Говорили, что при ветре Попа Двайера можно учуять за милю, а тот день выдался безветренным, так что смердящий запах Попа – зловоние немытого мужского тела и псины – вонзился в нос Эрла, словно шило.

– Не подпускайте ко мне этого старика, – заявил Джед Поузи. – От него несет как из хлева.

– От тебя после вчерашней ночи воняет не меньше, – отозвался Лем Толливер, жуя табак. – Привет, Поп.

– Привет, – поздоровался Поп, обращаясь ко всем собравшимся; в бороде сверкнула доброжелательная улыбка. – Вот, привез своих лучших малюток, мистер Эрл, как вы сказали.

– Хорошо, – ответил Эрл, наблюдая за Попом.

Тот подошел к задку машины, погромел цепями и выпустил из клеток трех грациозных собак с гибкими телами. Две из них, гладкошерстные мускулистые гончие светлой масти с серо-голубыми пятнами и смолистой клейкой пастью, прыгали, ожидая приказаний хозяина. Третий пес, с утопающей в складках мордой, был из породы ищеек.

– Мистер Молли – мой лучший пес, – сказал Поп. – Если есть что искать, старина Молли найдет обязательно. А щенков этих взял, чтобы поучились. Мистер Молли стареет.

Гончие залаяли, обнажив белые клыки и розовые языки в пенистой вязкой слюне. Братья Поузи им не понравились: собаки сразу почувствовали, что Джед презирает их хозяина. Джед Поузи попятился:

– Убери от меня эту чертову сучку.

– Это не сучка, болван. У него между ног штуковина с кукурузный початок, – ответил Поп. – И потом, я – свободный человек. Работаю с полицией по договору.

Отупляющий знойный воздух наполнился энергичным собачьим лаем, совсем не вязавшимся с атмосферой уныния, которое навевала удушающая жара. Лай слегка нарушил душевное равновесие Эрла, хотя он старался не идти на поводу у своих предрассудков. Однако и на Тараве собаки Второй дивизии морской пехоты лаяли, когда бойцы прочесывали взорванные бункеры и доты, выискивая среди мертвых тел немногих оставшихся в живых японцев. Думаете, чтобы спасти их? Нет, сэр. Если собаки с воем выбегали из бункера, значит где-то внутри стонал недобитый японец. Тогда раздавалась команда «Огонь!» и в лаз летели две-три гранаты. Когда взрывы стихали, один из морских пехотинцев направлял в отверстие огнемёт и в течение десяти секунд поливал бункер пламенем, сжигая дотла все, что было внутри. С тех пор миновало двенадцать лет, но Эрл до конца своих дней будет помнить, как все происходило: лай собак, затихающие глухие взрывы гранат, смрад горелого мяса, жужжание мух.

– Вы дадите что-нибудь понюхать мистеру Молли? – спросил Поп, прищурившись. – Иначе он не возьмет след!

Эрл кивнул, внутренне напрягаясь в предвкушении поисков. С заднего сиденья своего автомобиля он вытащил розовый шерстяной свитер:

– Посмотри, это подойдет?

Поп схватил огромной грязной рукой изящную вещь и бросил собакам. Псы обнюхали свитер и стали яростно рвать в клочья. Одна из гончих, оттеснив двух других, почти полностью завладела вещью, но те, вздрагивая всем телом, опять приблизились и зарылись в шерсть носом и клыками, будто хотели ее проглотить. И вдруг разом отскочили в стороны, так же быстро, как налетели: очевидно, псы, смысленные, но ограниченные, загрузили запах свитера в свои мозги, и тот потерял для них всякий интерес. Влажный, изодранный в клочья свитер упал на землю.

– Ведь он вам больше не нужен, мистер Эрл? – поинтересовался Поп.

– Нет-нет, бог с ним, – ответил Свэггер. – Давайте начинать.

– Вы уверены, что это то самое место?

– Уверен.

Эрл бросил взгляд через плечо. На высоте шестнадцати футов был укреплен рекламный щит с красочным изображением пяти пляшущих работников бензоколонки. По всей вероятности, это были популярные персонажи какого-нибудь дурацкого телешоу: Эрл никогда о нем не слышал (да и плевать на него), но сразу понял, откуда они взялись. Надпись на щите гла-

сила: «Компания „Тексако“ представляет „Петро-Х“ – секретный базовый компонент высокооктанового бензина для автомобильных и авиационных двигателей».

Полицейские мыслят весьма своеобразно. В журнале происшествий полиции округа Полк, который Эрл обязательно просматривал раз или два в неделю, хотя это и не входило в его обязанности, он увидел одну запись, на первый взгляд ничем не примечательную: «Заезжала белая леди и сообщила, что вчера поздно вечером, направляясь на своей машине к границе округа, она заметила в свете фар, у рекламного щита компании „Тексако“, чернокожего парня, который вел себя несколько странно. Она решила, что об этом следует известить полицию, поскольку слышала множество историй об опасном и дерзком поведении негров, проживающих южнее».

Никакой существенной информации. Но накануне вечером, возвратившись домой, Эрл крайне удивился, увидев на улице своего сына Боба Ли. Фигурка мальчика в енотовой шапке, как у Дэви Крокетта³, с которой он никогда не расставался, одиноко вырисовывалась в лунном свете. Боб Ли был спокойным, можно даже сказать прилежным, девятилеткой, не паниковал без нужды и не пугался.

– Что случилось, сын? – спросил Эрл.

– К тебе гости, папа. Они отказались войти в дом, хотя мама приглашала.

Что-то в голосе мальчика подсказало Эрлу: происходит нечто странное. Так и оказалось. На крыльце застыли мужчина и женщина, оба черные. Они явно опасались воспользоваться гостеприимством Джун.

Эрл подошел к ожидавшим его людям:

– Вы кто?

Как правило, черные никогда не приходили в дом к белому человеку, тем более незнакомому, да еще в такое позднее время. Поэтому Эрл ни секунды не сомневался, что посетители ждут его неспроста. Направляясь к ним, он, хотя это и выглядело нелепо, правой рукой растегнул кобуру, чтобы при необходимости быстро выхватить кольт и выстрелить.

Но в следующую секунду он сообразил, что перестарался.

– Господин Эрл, меня зовут Перси Хейрстон. Я – священник баптистской церкви Авроры. Мне ужасно неприятно, что я побеспокоил вас, сэр, придя к вам домой, но эта бедная женщина очень переживает, а городские власти не хотят ее слушать.

– Ничего страшного, Перси. Сестра, садитесь, пожалуйста, и поделитесь своим горем. Джун, вынеси людям лимонаду, – крикнул Свэггер в затянутую сеткой дверь и опять повернулся к черным. – Расскажите, в чем дело. Никаких обещаний дать не могу, но помочь постараюсь.

Однако в душе Эрла происходила борьба: он мало знал о проблемах черных и понятия не имел, как те живут и мыслят. Они существовали в параллельном мире. Эрл также знал, что черные имеют обыкновение наживать себе серьезные неприятности; среди белых в такие передраги попадали только представители низших слоев общества. Все они, казалось, только и делали, что резали друг друга или мстили чьему-нибудь брату за то, что тот сбежал в большой город с чужой женой, оставив дома десятерых тощих голодных ребятишек или безработного отца, и все в таком роде. Бессмысленная жизнь, бессмысленные преступления. Во всяком случае, белому человеку трудно это понять, и если позволить втянуть себя в их разборки, можно не выпутаться. Полицейская мудрость гласит: пусть черные живут как хотят, лишь бы не мешали жить белым.

– Господин Эрл, – заговорила женщина. Ей было лет сорок. На голове – широкополая шляпа, одета чисто, опрятно: наверное, выбрала лучший, воскресный, наряд, отправляясь с

³ *Дэви Крокетт* – фольклорный герой эпохи фронта (освоения земель на Западе США), меткий стрелок, знаменитый охотник на медведей, храбрец и хвастун. Имел реального прототипа – Дэви Крокетта (1786–1836).

визитом к белому человеку. – Господин Эрл, у меня пропала дочь, Ширелл. Во вторник вечером ушла из дома и не вернулась. О, господин Эрл, боюсь, с ней случилось что-то ужасное.

– Сколько лет Ширелл? – спросил Эрл.

– Пятнадцать, – ответила мать. – Самая красивая девочка во всем городе. Моя любимая.

Эрл кивнул. Обычная история. Среди негров подобное случается сплошь и рядом: девчонку подцепил какой-нибудь разодетый хлыщ и затащил в один из притонов – «колыбелей» – на западе города, где круглые сутки гремит музыка, танцы никогда не прекращаются, а спиртное и еще бог знает что раздается бесплатно, хотя в округе Полк объявлен «сухой закон». Хлыщ попользовался девчонкой и бросил у дороги. Проснувшись, та устыдилась того, что натворила, и покинула город, а может, сбежала с парнем. Тут не угадаешь; каждый раз случается что-нибудь новое, а суть не меняется.

– Послушай, милая, – обратился к женщине Эрл, – наверное, она познакомилась с каким-нибудь парнем и пошла с ним на вечеринку. Вы ведь знаете, какая сейчас молодежь.

– Господин Эрл, – вмешался священник. – Я знаю сестру Паркер и ее семью не меньше двадцати лет. Ширелл росла у меня на глазах, я крестил ее. Она порядочная девушка. Божье дитя.

– Да будет благословен Иисус, – вторила ему мать Ширелл. – У меня хорошая дочка, послушная.

– Конечно, мэм, – сказал Эрл, начиная терять терпение от их причитаний.

– Вы же знаете, городская полиция, они белые, им плевать на чернокожую девушку, даже такую замечательную, как Ширелл, – сердито проговорил священник.

Свэггера удивило, что Перси позволил себе столь ясно выразиться, однако он был прав. Сотрудники окружной полиции и пальцем не пошевелинут, чтобы помочь черному распутать преступление, совершенное против черного.

И тут Эрл вспомнил запись в журнале: неизвестный чернокожий парень на дороге, где ему не следовало быть, да еще поздней ночью, в неподходящее время. Девушка исчезла именно в ту ночь. Как знать?

– Выпейте лимонаду, – предложила Джун. В руках ее был поднос с кувшином и двумя бокалами.

– Ладно, – произнес Эрл, – попробую помочь, как обещал. Я знаю человека, который может кое-что подсказать. И... это все, что я могу сделать для вас. Но я постараюсь.

– О, господин, вы так добры. Благодарю, благодарю, благодарю тебя, Иисус, ты услышал мои молитвы, – запричитала женщина.

Священник Хейрстон стал ее успокаивать.

Эрл проводил гостей до машины священника, старенького довоенного «де сото», наездившего немало миль. Усадив женщину в машину, Эрл обогнул автомобиль и отвел Хейрстона в сторону.

– Перси, возможно, мне понадобится что-нибудь из вещей Ширелл, – сказал он, разыгрывая свою последнюю карту. – Что-нибудь из одежды или любая другая вещь, которую она держала в руках. Вы сможете достать, что я прошу, когда отвезете миссис Паркер домой? Я сделаю несколько звонков сегодня вечером, узнаю, что мне надо, возьму с собой знакомых ребят и завтра утром, скажем часов в девять, подъеду к церкви.

– Хорошо, сэр. Для чего вам нужны вещи...

Старик вдруг замолчал и посмотрел сержанту в глаза.

– Не буду болтать зря, – ответил Эрл, – но, возможно, нам действительно придется вызвать собак-ищеек. А теперь возвращайтесь домой и молитесь Бога, чтобы утром собаки ничего не нашли.

Методичный Эрл, прежде чем начать действовать, аккуратно, большими печатными буквами вывел имя каждого из участников поисковой группы на внутренней стороне обложки своего блокнота.

«Джед Поузи, – писал он. – Лем Толливер. Лам Поузи. Поп Двайер». И чуть ниже: «Поисковая команда, 23.7.55».

– Эрл?

– Иду, иду, – откликнулся Свэггер, услышав нетерпеливые нотки в голосе Лема. – Ладно, за дело.

Старик умело направлял собак. Казалось, он вел с ними беседу на таинственном собачьем языке: что-то бормотал, тихо и ласково, нашептывал, пощелкивал и, главное, издавал чмокающие звуки, на которые псы реагировали особенно остро. Коротконогая толстая гончая, очевидно, понимала, что ставка сделана на нее, и вела себя как кинозвезда – с достоинством, без лишней суеты, обнюхивая землю с нарочитой небрежностью, оставаясь равнодушной ко всему. Молодые, более рослые псы не отличались спокойствием нрава и выказывали меньше сдержанности, кидаясь из стороны в сторону от нетерпения и переполнявшей их энергии. Поп прошелся с ними по дороге в обоих направлениях, но собаки ничего не унюхали. И только раз одна из юных гончих нарушила дисциплину – бросилась за енотом, натянув поводок. Зверек в испуге метнулся через дорогу в лес. Поп несильно ударил непослушного пса, и тот мгновенно занял свое место возле любимца хозяина.

Эрл вместе с помощником шерифа Толливером и братьями Поузи в это время внимательно обследовал лесные заросли, выискивая... они и сами толком не знали, что надеялись обнаружить. Следы борьбы? Отпечатки ног? Одежду, туфли, носки, ленты, хоть что-нибудь? Все было напрасно. Только Лам Поузи подобрал бутылку из-под кока-колы, которую тщательно вытер и сунул в карман своей робы, чтобы сдать и получить один цент.

Солнце поднялось высоко и теперь палило нещадно. Джед Поузи ругался себе под нос, проклиная черных девиц и бессмысленные поиски. Он бурчал довольно громко, но не настолько, чтобы вывести из терпения Свэггера. Эрл чувствовал, что его рубашка взмокла от пота. Другие тоже сильно вспотели. Жара стояла несусветная.

– Ладно, Эрл, – проговорил Лем, когда они прошлись во всех направлениях. – Что теперь собираешься делать? Думаешь углубиться в лес и подняться на этот чертов холм? Командуй.

– Проклятье, – выругался Свэггер, взглянув на часы.

Скоро полдень. Джимми Пай уже за воротами тюрьмы. Вместе с Бубом они едут на автовокзал Форт-Смита. Расписание автобусов Эрл знал наизусть: следующий рейс на Блу-Ай – в половине второго.

– Еще, что ли, с часок поискать. Для очистки совести.

– Мистер Эрл!

– В чем дело, Поп?

– Мои псы устали. Они не смогут больше работать на такой жаре.

– Поп, ты получишь от штата по семьдесят пять центов за каждый час работы, но никуда не уйдешь, пока я не разрешу.

Черт! Эрл и сам хотел уехать. Кое-что нужно проверить. Может быть, удастся переговорить со знакомым черным, владельцем бильярдной на западе Блу-Ай. И получить ответ на еще один вопрос. Однако автобус с Джимми прибудет только через три часа.

– Давайте-ка прочедем лес ярдов на сто! – крикнул Свэггер. – Смотри в оба, ребята.

В ответ на решение Свэггера Джед Поузи сплюнул в пыль, но встретиться с ним взглядом не осмелился. Старик резко рванул поводок с тремя псами, и маленькая группа направилась в лес.

Пробираться между деревьями оказалось нелегко: лес будто противился пришельцам. Склон становился круче, ноги заплетались, путаясь в колючих кустах; сквозь сосняк не шла

ни одна тропинка. Вместо ожидаемой прохлады в темном лесу было душно и жарко. Темноту прорезали косые лучи солнца. Пот разъедал Эрлу глаза.

– Проклятье! – раздраженно вскричал Джед Поузи, в очередной раз споткнувшись о колючий куст. – Ну и пикничок, Эрл. Разве эта работа для белого человека? Пусть нигтеры прокладывают тебе дорогу через это дерьмо.

С подобным замечанием даже Эрл не мог не согласиться. Бессмысленная трата сил и времени. Уже за десять шагов ничего не разглядеть – пыль столбом.

– Ладно, – произнес Эрл, смирившись с поражением. – Давай выбираться отсюда.

– Мистер Эрл? – раздался голос Попа.

– Мы уходим, Поп. Там ничего нет.

– Мистер Эрл, Молли что-то нашел.

Эрл устремил взгляд в его сторону. Два пса помоложе лежали на земле, опустив головы на глинистую почву, влажные розовые языки безжизненно вывалились из полураскрытых пастей. Они дышали тяжело, раздосадованные своей неудачей. Молли, напротив, сидел неподвижно, с высоко поднятой головой; взгляд его был вопросительно-спокойным. И вдруг пес завыл, протяжно, гортанно, с характерной осмысленной интонацией. Этот чисто животный звук исходил, казалось, не из горла. А потом пес вскочил, завертелся на месте, энергично завиляв хвостом, и, остановившись, указал носом на свою находку.

– Он нашел ее, мистер Эрл, – сказал Поп. – Она здесь.

– Проклятье, – кричал Джимми Пай. – Черт побери, парень, покрути ручку-то! Терпеть не могу тишины!

Длинные светлые волосы Джимми, уложенные с помощью геля «Брилкрим», золотом сверкали в лучах яркого солнца, подчеркивая красоту тонких черт его лица.

Пухлые пальцы Буба крутили ручку приемника, но отголоски музыки, которую якобы слышал Джимми, окончательно растворились в эфире.

– Дж-Дж-Джимми. Не могу н-н-н-найти...

– Давай, давай, парень. Продолжай, черт побери, ну, скажи.

Но у Буба ничего не получалось. Слово застряло где-то между мозгами и языком, запуталось в паутине раздражения и тщетных усилий. Проклятье, когда он научится разговаривать как настоящий мужчина?

Буб, полноватый медлительный юноша девятнадцати лет, одно время работал подмастерьем плотника в строительной компании «Уилтонз констракшн», здесь же, в Блу-Ай, но так и не освоил ремесло, и его уволили. Перед своим двоюродным братом, который был старше, Буб благоговел, с малых лет восхищаясь им – Джимми считался лучшим защитником из всех, кто когда-либо жил в округе Полк. За год до окончания школы его рейтинг составлял 368, он мог бы играть в младшей лиге или в команде Арканзасского университета, если бы не угодил за решетку.

Теперь Буб испытывал к Джимми больше чем благоговейный трепет: пожалуй, он любил брата. Казалось, даже воздух пропитался обаянием Джимми; тот распространял вокруг себя уверенность, одним своим присутствием разрушал все преграды.

– Крути, парень! – вопил Джимми с ликованием на лице. – Найди хорошую музыку. Только не негритянское вытье. И не деревенскую дребедень. Нет, сэр, я хочу послушать рок-н-ролл, желаю услышать «Рок круглые сутки» в исполнении Билла Хейли и его чертовых «Комет».

Буб сосредоточенно крутил ручку приемника, пытаясь найти мощные радиостанции Мемфиса или Сент-Луиса, но боги почему-то отказывались помочь, и из динамика выплескивалась, причем громко, без помех, как раз та самая «дредбедень», которая не нравилась Джимми: радиостанция Литл-Рока передавала «Куин», Тексаркана потчевала слушателей

лучезарной музыкой негритянской группы «КГОД». Но Джимми не сердился, забавляясь тем, как Буб борется с радиоприемником, и время от времени похлопывал брата по плечу.

За рулем сидел Джимми. Где, черт бы его побрал, он раздобыл автомобиль? Буба переполняла любовь к брату, когда он прибыл к воротам тюрьмы Форт-Смита, расположенной в западной части города, поэтому у него и мысли не возникло спросить про машину, а Джимми не стал ничего объяснять. А автомобиль красивый – блестящий эlegantный «фэрлейн», новенький, будто выехал из демонстрационного павильона, с автоматической коробкой передач и, конечно же, с откидывающимся верхом. Джимми вел машину как бог. Он несся по Роджерс-авеню, обгоняя других, весело сигналил, с уверенностью кинозвезды махал рукой молоденьким девушкам.

Те неизменно махали ему в ответ, и это смущало Буба. Джимми был женат. Он состоял в браке с Эди Уайт, дочерью вдовы Джеффа Уайта, которая считалась первой красавицей. И охота Джимми флиртовать с незнакомками? Ведь все так замечательно устроено. Мистер Эрл нашел Джимми работу на лесопилке в Нанли; Джимми и Эди будут жить в коттедже на окраине города, на скотоводческой ферме, хозяин которой, Рэнс Лонгакр, недавно умер. Мисс Конни Лонгакр, вдова Рэнса, обещала не брать с них денег за проживание, если Джимми будет помогать в перегонке скота. Джимми тем временем научится работать на лесопилке. Может быть, даже выбьется в управляющие. Все так хотят, чтобы у него получилось.

– Посмотри на тех девчонок, – говорил Джимми, обгоняя «понтиак»-универсал.

Четыре миловидные светловолосые девушки, по виду – настоящие чирлидерши, улыбнулись, услышав возглас Джимми:

– Эй, красотки, хотите мороженого?

Девушки рассмеялись, понимая, что Джимми, такой симпатичный и шумный парень, не имел в виду ничего дурного. Тут Буб заметил, что их автомобиль заехал за разделительную линию и прямо на них надвигается грузовик.

– Дж-дж-дж-дж...

– А поехали в кино, в «Скай-Вью» например, на «Соблазнительную девушку»! – вопил Джимми.

Грузовик...

Водитель грузовика засигналил.

Девушки закричали.

Джимми расхохотался.

– Дж-дж-дж-дж...

Джимми одним движением кисти крутанул руль, нажав ногой на педаль акселератора, и с мастерством настоящего гонщика втиснул машину в крошечное пространство между микроавтобусом, ехавшим справа, и грузовиком, который несся навстречу им с пронзительным ревом и громоханием.

– Уууууу! – напевал Джимми. – Я – свободный человек, черт возьми.

На следующем повороте он резко свернул влево, выбросив из-под колес фонтан гравия, и вновь поехал к центру города.

– Найди мне музыку, Буб Пай, старый ты пес.

Буб уловил знакомый ритмичный мотив – как раз тот, что просил брат.

– Черномазый поет, – заметил Джимми.

– Н-н-н-н-нет, – наконец-то выговорил Буб. – Это белый. Просто у него голос как у нигера.

Джимми стал вслушиваться. Действительно белый. Белый парень с хорошим чувством ритма. Белый парень, в котором сидит чернокожий, энергичный, полный жизненных сил, горячий и опасный.

– Как зовут певца? – поинтересовался Джимми.

Буб не помнил. Какое-то новое имя, трудно запоминающееся.

– Не могу вспомнить, будь он проклят, – ответил Буб.

– Ну и дурак, – прокомментировал Джимми и широко раздвинул губы в знакомой улыбке, давая понять, что это не имеет для него значения.

Джимми взглянул на часы. По-видимому, он знал, куда направляется. А вот Буб пребывал в неведении; до этого он всего несколько раз заезжал в Форт-Смит.

Вскоре Джимми затормозил.

– Как раз полдень, – сказал он.

Они остановились в оживленном месте на бульваре Мидленд, напротив огромного продовольственного магазина с вывеской «Продукты ИГА» – самого большого, который когда-либо видел Буб.

– Черт побери, – произнес Джимми. – Ты только посмотри, Буб! Посмотри, сколько здесь народу. И все тратят свои чертовы деньги на жратву. Эй, парень, да в этом месте, наверное, скопилось никак не меньше пятидесяти-шестидесяти тысяч долларов.

«Интересно, к чему он клонит?» – спрашивал себя Буб. Что-то в речах Джимми ему не нравилось.

– Дж-дж-дж-дж-дж...

Но, будь он проклят, Джимми – удачливый парень.

Час, два, три, четыре часа – рок, пять, шесть, семь, восемь часов – рок, девять, десять, одиннадцать, двенадцать часов – рок. Мы до упаду будем сегодня танцевать рок! Рок, рок, рок – до утра один рок!

Спущенные с поводка собаки нашли ее. Эрл слышал их возбужденный, истошный лай.

– Они, собаки, не...

– Они ничего не тронут, – заверил Поп.

– Сюда, сюда! – кричал Джед Поузи. – Черт бы вас побрал, сюда идите!

Тяжело дыша, Эрл с трудом продрался вверх по склону, сквозь деревья и колючие кусты, и наконец вышел на расчищенный, не защищенный тенью участок, под убийственные, палящие лучи солнца.

Джед, чья грудь тяжело вздымалась, стоял у оврага, стенки и дно которого были из глинистого сланца; иссушенная беспощадным солнцем земля окаменела и потрескалась. По другую сторону оврага сидели три пса, отгоняя лаем злого духа. Однако злой дух уже побывал здесь и сделал свое дело.

Ширелл лежала на боку; льняная розовая юбка задрана до пояса, трусики сняты, блузка содрана – постыдное зрелище. Широко открытые глаза смотрели безжизненно. На серой, почти бесцветной коже лежал толстый слой пыли. Тело раздулось, напоминая накачанный воздушный шар. Левая часть лица девушки, куда, очевидно, ударили камнем, стала сплошным синяком, покрытым потрескавшейся коркой запекшейся крови. В трех шагах от трупа валялся камень с темными пятнами.

– Все дырки наружу, – отметил Джед. – Вон, смотрите, все видно.

Да, конечно, еще как видно. Взглянув на мертвую девушку, Эрл заметил сгусток черной крови на ее половых органах и еще, похоже, ушибы и ссадины. Над разлагающимся трупом жужжали мухи.

Участник трех крупных сражений за тихоокеанские острова, Эрл видел смерть во всех ее проявлениях и сам не раз прощался с жизнью. Но эта девочка, обезображенная распиравшими ее газами, оставленная гнить в стороне от дороги, на холме, выглядела такой раздавленной и брошенной, что у него все перевернулось внутри от жалости, – а ведь он считал, что долгие бои на Тараве, пламя огнеметов на Сайпане и автоматные очереди, унесшие жизнь стольких солдат на Иводзиме, давно уже превратили его сердце в камень. Он насмотрелся на мертвецов – и японцев, и американцев, – но ни один из них не был изуродован так бессмысленно и жестоко.

Лем Толливер шумно сплюнул табак.

– Проклятые нигеры, – проговорил он. – Что они делают с себе подобными! И зачем только их привезли сюда. Сидели бы в Африке, в своих джунглях.

– Лем, – обратился к помощнику шерифа Свэггер, – забирай ребят. Идите к моей машине. Я хочу, чтобы вы...

– Эй, Эрл, – сказал Джек Поузи. Его брат ухмылялся. – Эй, Эрл, не возражаешь, если я разок бесплатно попользуюсь? Пока ты ее не привел в порядок. Слушай, а почему бы нет? Ей ведь все равно. И теперь она уж явно не девственница.

Эрл, сжав кулак, ткнул Джеда в челюсть, чуть ниже уха, вложив в этот короткий резкий удар всю клокотавшую в нем злость. Тот отлетел назад, едва не откусив себе язык; изо рта хлынула кровь, заливая тюремную робу. При падении Джек поднял столб пыли и теперь лежал неподвижно, подняв руку в знак смирения. Эрл шагнул к нему, как бы намереваясь поддать еще. Джек вскочил на четвереньки; на лице его читался страх человека, сознающего, что соперник намного сильнее.

– Не бей его больше, Эрл, – вступился за брата Лам Поузи.

– Убери отсюда этот кусок дерьма, – обратился Свэггер к Лему. – Чтобы духу его здесь не было. Идите к моей машине. Свяжись по радио с Гринвудскими казармами и передай, что совершено преступление, тяжкое, по статье десять тридцать девять. Пусть пришлют следственную группу, и как можно быстрее. А также команду экспертов-криминалистов, на тот случай, если наш парень оставил отпечатки и так далее. Вызови Сэма Винсента как представителя прокуратуры. Он поможет мне усадить ублюдка на электрический стул. Позвони шерифу и попроси прислать сюда людей; они должны тщательно обследовать место в поисках улик. Свяжись с коронером, пусть внимательно осмотрит тело. Вопросы есть, Лем?

– Нет, все понял, Эрл.

– Поп, пока отдыхай. Накорми собак и отведи их в тень. Возможно, их помощь еще понадобится. Может быть, им удастся взять след того, кто это сделал. Ясно, Поп?

– Да, сэр.

– А теперь идите.

Мужчины повернулись и пошли вниз по склону. Лам Поузи поддерживал истекающего кровью брата, помогая ему спускаться.

Эрл остался наедине с трупом.

«Ну вот, детка, – произнес он про себя, – теперь твоя очередь отвечать на вопросы, чтобы помочь мне найти убийцу. И клянусь, я изжарю его задницу на электрическом стуле».

Эрл не считал себя Шерлоком Холмсом и не вел дела об убийствах. Собственно, он впервые занимался расследованием тяжкого преступления такого рода. Прежде ему случалось проводить лишь дознания по факту лишения жизни, когда установить личность убийцы не составляло труда: всегда находились свидетели или были известны мотивы преступления. Этот случай отличался от всех предыдущих: спрятанный труп пролежал в лесу почти неделю. Загадочное происшествие. Ни с чем подобным Эрл еще не сталкивался. Однако Эрл Свэггер был профессиональным блюстителем закона, и для него существовали только два идола: долг и справедливость. До мозга костей преданный своему делу, он не признавал компромиссов и, глядя на убитую девочку, представлял себе только один результат – наказание преступника. Ненаказанный убийца – все равно что огромная дыра в стене вселенной. И заткнуть ее должен именно он, Эрл.

С методичностью профессионала Свэггер принялся за работу, не замечая ни быющего в нос запаха смерти, ни жужжания мух над трупом, ни непристойности самого преступления. В первую очередь нужно воспроизвести обстановку на месте происшествия. Позже фотографии заснимут все, что сочтут нужным, а сейчас он запечатлеет общий вид тела и то, как оно рас-

положено. Свэггер решил прибегнуть к методу триангуляции, весьма эффективному, когда рядом нет ориентиров – например, дороги. В качестве трех точек он выбрал ближнее дерево примерно в двадцати пяти футах от головы девушки, лишенный растительности край оврага, где лежал труп, и, с правой стороны, торчащий из земли камень. Потом, изломав палку так, чтобы ее вид более или менее соответствовал позе девушки, Свэггер положил ее между отмеченными объектами.

После этого Свэггер стал внимательно изучать почву в поисках следов, предметов или обломков, свидетельствовавших о пребывании здесь человека или нескольких человек, которые принесли и бросили в лесу девушку. Но земля, твердая и сухая, не сохранила никаких улик. Неожиданно налетевший ветерок, вздымая пыль, забился в складках платья Ширелл и так же внезапно стих.

Наконец, Эрл приблизился к телу. Позже трупом займутся настоящие эксперты, сотрудники уголовного отдела. Они соберут всю информацию: волокна, отпечатки пальцев, если они есть, пятна крови, содержание воды в организме убитой и тому подобное. Ну а он, со своей стороны, постарается вывести у бедной девочки что сможет.

«Поговори со мной, лапочка», – молча просил Эрл, ощущая в душе прилив щемящей нежности. Ему хотелось взять девочку на руки, успокоить ее боль. Но ведь она уже не чувствует боли, ее больше нет, осталась только раздутая оболочка. Ее душа у Бога. Эрл потрянул головой, чтобы привести в порядок мысли, и продолжил свой немой монолог: «Ну, не молчи, скажи Эрлу, кто сотворил с тобой такое».

Он смотрел в пустые, бездонные глаза девушки, на ее обезображенную фигуру, на пятна крови, синяки, страшные ссадины, и его выдержка и бесстрастность профессионала растворялись в волнах безнадежного отчаяния: на месте этой несчастной он видел собственного сына, своего серьезного, задумчивого мальчика, который, казалось, почти никогда не смеялся, видел своего Боба Ли, такого же истерзанного, изуродованного, брошенного гнить, как падаль. Безысходность захлестнула Эрла с головой. На секунду он перестал быть полицейским и помнил только, что он – отец, жаждущий мести. В пелене заставшего глаза красного тумана он видел себя с пулеметом в руках, расстреливающим убийцу, кем бы тот ни был, от имени всех отцов, живущих на Земле.

Свэггер стряхнул с себя оцепенение, вновь обрел хладнокровие и продолжил поиск ответов на свои сухие профессиональные вопросы, давая оценку всему, чему можно, разбираясь во всем, в чем мог разобраться. На трупе – довольно толстый налет пыли. Оттого что он лежит здесь несколько дней? Возможно, но, скорее всего, девушку убили в другом месте, а потом привезли сюда. Если бы тот камень служил орудием убийства, на нем было бы гораздо больше крови. Наклонившись над девушкой, он стал рассматривать сгусток застывшей крови на голове. Никаких брызг, обычная лужица, а значит, загустевшая кровь сочилась медленно. Если бы Ширелл погибла от удара по голове, крови, разумеется, было бы больше. Очевидно, заключил Свэггер, убийца или кто-то другой ударил камнем уже мертвую девушку, создавая видимость того, что убийство произошло в этом месте. Но зачем? Эрл склонился к горлу Ширелл: так и есть – синяки. Значит, ее задушили, а не забили до смерти? Свэггер отметил этот факт в своем блокноте.

Тут он увидел на серебристой коже плеча красное пятно, но не влажное, а сухое. Эрл тронул пятно пальцем: пыль, красная пыль. Хм? Он перевел взгляд на ладонь девушки, осторожно раскрыл ее и стал рассматривать пальцы убитой: под ногтями четырех пальцев – темные полумесяцы. Возможно, запекшаяся кровь, но вероятнее – та же красная пыль, что он заметил на плече. Решение вынесет судебная экспертиза.

Красная пыль? Может быть, красная глина? Эта мысль засела в голове, будучи связана с чем-то. Ага, есть: милях в десяти от Блу-Ай, если ехать по Восемьдесят восьмому шоссе, возле местечка под названием Инк, есть заброшенный карьер с красной глиной. На картах

он не отмечен, но местные жители величают его «Маленькой Джорджией» – в честь штата, славящегося залежами красной глины.

«Маленькая Джорджия», – записал Свэггер в блокноте.

Он стал разглядывать другую руку убитой. Та была подвернута; девушка лежала на ней. Свэггеру показалось, что стиснутый в предсмертных судорогах кулак сжимает какой-то обрывок – бумаги или еще чего-то. Эрл понимал, что не должен трогать труп, но желание узнать еще что-нибудь перевесило. Действуя карандашом, он принялся осторожно расправлять маленькую ладонь, пока из нее не выпала драгоценная находка. Рука Ширелл отчаянно сжимала кусочек материи, который девушка, судя по всему, содрала с преступника. Эрл карандашом расправил ткань. Похоже на карман от хлопчатобумажной рубашки. И какая удача – монограмма!

Три большие буквы: «РДФ».

«Неужели все так просто? – спрашивал себя Эрл. – Боже правый, и это все?! Значит, нужно только найти мистера РДФ в рубашке с отодранным карманом?»

– Боже мой, боже мой, боже мой, – донеслось до Эрла.

Он поднял голову. Между деревьями мелькала рослая фигура Лема Толливера; тот был сильно возбужден.

– Эрл, Эрл, Эрл!

– Что там, Лем? – спросил Свэггер, поднимаясь.

– Я позвонил им, Эрл. Они приедут, как только смогут.

– Что значит – как только смогут?..

– Джимми Пай и его двоюродный брат Бубба устроили пальбу в гастрономе Форт-Смита. Эрл, они убили четверых! Убили полицейского! Эрл, теперь их ищет вся полиция штата!

Глава 2

Джимми перегнулся назад, достал с заднего сиденья тяжелый бумажный пакет и положил себе на колени. Бумага не разорвалась, но Буб услышал глухой лязг металла.

– Держи, – сказал Джимми и, вытащив из пакета большой, с длинным дулом, револьвер, вручил его Бубу. – Это «смит» сорок четвертого калибра. Зверь, а не пушка.

Массивный револьвер с полным барабаном оттягивал руку. У Буба никогда не было револьвера. Там, где он жил, у народа были ружья. Револьверы он видел у полицейских, это да. Уставившись на Джимми, Буб раскрыл рот в тупом удивлении. Такое выражение обычно появлялось на его лице, когда он не знал, что сказать.

Джимми тем временем вытащил из пакета нечто вроде автомата с искривленной рогатой рукояткой, в которую он что-то вставил, щелкая железом.

– Калибр тридцать восемь, классная штука, – довольно произнес он. – Твой кольт тоже чертовски хорош. Мешок маленький, а сколько оружия. Настоящего, как у профессионалов.

Тут Джимми заметил выражение полнейшего недоумения на лице своего двоюродного брата.

– И чего ты разволновался, Буб? Что на тебя нашло?

Буб не знал, что сказать.

– Я-я-я... боюсь, – наконец выпалил он.

– Да будет тебе, Буб. Дело легче легкого. Входим в магазин, показываем оружие, нам отдают деньги, и мы сматываемся. Все очень просто. Один парень в тюрьме научил меня, как брать большой гастрон. Они каждый час убирают бабки в сейф, понимаешь? Поэтому сейчас вся утренняя выручка там, в сейфе, прямо в зале. И так во всех магазинах. Раз плюнуть, говорил он. Легче легкого.

У Буба пересохло во рту, стало трудно дышать. Ему захотелось плакать. Он очень любит Джимми, но... на такое не способен. Он мечтал об одном – вернуться на старую работу и, как обычно, заколачивать гвозди для мистера Уилтона, день за днем, каждый день, в дождь и снег, в мороз и холод, просто забивать и забивать гвозди. Больше ему ничего не надо.

– Слушай, Бубба, – продолжил Джимми заговорщицким тоном, наклоняясь к брату. – Не знаю, как ты, а я не собираюсь гнуть спину на лесопилке, чтобы осчастливить этого чертова мистера Эрла, будь он проклят. Я не буду там работать. А то рано или поздно останусь без пальца, руки или ноги. Ты же видишь, сколько вокруг безруких. «Да он работал на лесопилке». Нет, сэр, это не по мне. – Тяжело дыша, Джимми откинулся на спинку сиденья и взглянул на часы. – Самое время. Входим и выходим. Никто ничего не видел. А у нас появится немного денег. Вот в чем дело. И свалим из этого вонючего Западного Арканзаса. Поедем в Калифорнию. Ты посмотри на меня, Буб. Посмотри! – (Буб поднял глаза на Джимми.) – Что, разве я похож на рабочего с лесопилки, который зарабатывает тысячу в год и живет из милости в коттедже какой-то сварливой старухи? Нет, сэр, я такой же красавец, как тот чертов Джеймс Дин⁴. Все при мне. Я отправлюсь в Калифорнию и стану знаменитым актером. Ты тоже можешь поехать со мной, Бубба. У любой кинозвезды есть главный помощник, тот, кто заказывает гостиницы и достает авиабилеты, понимаешь? Вот какое место я тебе подыскал. Ты будешь моим первым помощником.

– А Эди? Она ведь любит тебя.

Буб, как и многие окрестные парни, был влюблен в юную жену Джимми.

⁴ Джеймс Дин (1931–1955) – актер, кумир молодежной аудитории 1950-х гг.

– У Эди будет много денег. Ты только подумай, у девчонки будет куча денег. Мы возьмем ее с собой. Она поедет с нами в Калифорнию! Мои друзья позаботятся там обо мне. О, нам будет хорошо в Лос-Анджелесе – тебе, мне и Эди. Мы станем кинозвездами!

Джимми уговаривал так пылко, что Буб закрыл глаза и на долю секунды представил себе жизнь кинозвезд под солнечным небом Калифорнии: бассейны, красивые наряды, аккуратные усы, сверкающие автомобили. До сих пор он даже думать об этом не смел.

– Клянусь, никто не пострадает. Ты просто прикроешь меня. Вытащишь оружие, и я вытащу. Никто не окажет сопротивления, ведь эти чертовы деньги принадлежат магазину. А потом свалим. Захватим Эди, и привет. Никто не пострадает. Ну давай, Буб, ты мне нужен. Пора идти.

Джимми вылез из машины, сунул кольт за пояс холщовых штанов, надел темные очки, вытащил из кармана пачку «Лаки», из которой ловко выбил окуроч, подхватил его губами и прикурил от зажигалки, словно по волшебству появившейся у него в руке. Обернувшись, он подмигнул бедняге Бубу, который наблюдал за его действиями, полагая, что *уже* смотрит кино.

Джимми впереди. Джимми идет уверенным шагом, выстукивая каблуками бибоп, на лице – улыбка. Буб плетется сзади. Буб испуган. У него тоже есть револьвер за поясом, но громоздкое оружие упирается дулом в бедро, сковывая движения, отчего походка выходит деревянной, как у калеки.

«Почему мы без масок?

А вдруг нас кто-нибудь узнает, обоих?

Ох, и рассердится же мама!

Зачем я это делаю?

Как это могло случиться?

Джимми... Джимми... Помоги!»

А Джимми шагает себе вперед с самодовольной улыбкой на красивом лице. По пути он останавливается, вежливо кланяется женщине, загружающей сумки в свой автомобиль, галантно подает ей последний пакет.

– Спасибо, – благодарит женщина.

– Не за что, мэм, – напевно отвечает Джимми, и женщина, очарованная улыбкой парня, даже не замечает оружия у него за поясом.

Буб догоняет Джимми. Они вдвоем входят в магазин. Зал до странного темный и просторный. «Как в церкви», – думает Буб. Шесть прилавков со стрекочущими кассовыми аппаратами, за которыми работают шесть женщин. Обсчитанные покупки по конвейерным лентам уплывают к упаковщицам. Такой большой гастронорм Буб видит впервые! Сколько полок с продуктами! Вот Америка, которой он раньше не видел. Строгий порядок, аккуратно рассортированные товары, грандиозное помещение... Бубу казалось, будто он оскверняет святыню. Кто-то тихо захныкал, и у Буба затряслись колени. Хотелось закричать: «Не надо, Джимми! Не надо!» Но Джимми действовал столь самоуверенно, что он просто не отважился перечесть. Да к тому же было поздно.

Джимми подошел к последнему прилавку, позади которого находился небольшой кабинет с высокими стенами и дверью посередине. За прилавком, разговаривая с негритянкой, стояла приятная рыжеволосая женщина. К ее блузке была прикреплена карточка: «Вирджиния. Заместитель директора».

Женщина взглянула на Джимми и, очарованная его обаянием и красотой, широко заулыбалась. Но улыбка на ее лице сменилась испугом, когда она заметила в его руке оружие. Джимми оттолкнул негритянку и, приставив револьвер к лицу работницы магазина, крикнул:

– Живо в кабинет! Открывай сейф!

Хватая ртом воздух, словно рыба, выброшенная из воды, Вирджиния нажала на кнопку звонка. Дверь кабинета отворилась, и в зал выглянул молодой парень.

Дальнейшие события Буб помнил не очень хорошо. Где-то раздался щелчок, и парень повалился на колени, потом на пол. Возле его тела стала разливаться темная лужа. Послышались крики, вопли, визг. Буб вытащил из-за пояса револьвер. Через секунду, которая показалась ему вечностью, они уже были в служебном помещении. Джимми с криком «Прикрой меня!» вытолкнул его в зал. Буб встал на страже у двери. Он не видел, что происходит внутри, слышал только ужасный шум.

Трах!

Буб дернулся в страхе, вновь уловив непонятный звук, который ему совсем не нравился. Он сознавал, что слышит выстрелы, но надеялся, что Джимми просто пугает находящихся в кабинете людей, стреляет в воздух или в пол. Безумные вопли рассеяли его иллюзии: Джимми действительно палил в людей. Но зачем? Зачем Джимми убивать кого-то? Тот, кто видел с трибуны бегущего с мячом Джимми, видел, как он уклоняется от полузащитников и грациозно прорывается к воротам соперника, никогда бы не подумал, что такой парень способен стрелять в людей.

Буб заплакал. Как все плохо. Как страшно! До тошноты! Оба они уже должны были сидеть в автобусе, направляющемся в Блу-Ай. Джимми собирался жить с Эди и работать в Нанли на лесопилке Майка Логана. Мистер Эрл так сказал! Мистер Эрл сказал, что все исполнится как задумано! Так почему же не исполнилось? Почему они не в автобусе?

Кто-то подскочил к Бубу... рослый негр. Он уложил Буба лицом на прилавок, заломив ему руки, сильно ударил его кулаком в челюсть... В глазах темнеет. Почему? За что бьют Буба? Буб отталкивает негра плечом. Тот падает. Буб направляет на него револьвер.

– Зачем? – спрашивает Буб.

Джимми уже рядом.

– Стреляй, – командует он. – Стреляй!

«Не могу, – думает Буб, – не заставляй меня».

Негр поднимается с пола, вновь надвигается на Буба. Револьвер стреляет. Буб не хотел нажимать на спуск. Не хотел стрелять! Это не он придумал! Он не виноват! Это все ниггер!

– Ого, молодец парень, – восклицает Джимми. – Линяем! Быстрей!

Волоча за собой большую сумку, Джимми направляется к выходу и вдруг останавливается.

– Вон отсюда, вы все! – орет он и один за другим делает пять выстрелов, посылая пули поверх голов людей, пригнувшихся за прилавками.

Продавцы и покупатели пятятся, натывая друг на друга, с криками пытаются выбежать из зала.

В глаза ударил яркий свет. Они на улице. Бульвар Мидленд пуст. Такое впечатление, будто все прохожие попрятались за машины или заскочили в магазины... Неожиданно Буб сознает, что ему это даже нравится. Он возбужден, чувствует собственную значимость.

– Живее, Буб, сваливаем!

Джимми тащит его через улицу. В конце бульвара появляется черно-белый полицейский автомобиль и с ревом мчится прямо на них, да так быстро, что за секунду из маленькой точки превращается в грозную машину.

Буб в ужасе. Их сейчас собьют. Но Джимми, не теряя присутствия духа, спокойно прицеливается и стреляет.

Бах-бах-бах-бах-бах-бах!

Он выпускает несколько пуль по лобовому стеклу полицейского автомобиля. Тот неожиданно виляет влево и врезается в припаркованную машину. Какой ужасный грохот! Во все стороны летят осколки.

– Точно в яблочко! – гикает Джимми. – Давай, Буб, пора убираться отсюда. Скоро здесь будет жарко!

Их автомобиль с ревом промчался по бульвару, перескочил через аллею и, резко свернув влево, понесся по кварталу, где жили черные. При виде машины те бросались врассыпную. Сзади слышался усиливающийся вой сирен.

– Я убил человека, – произнес Буб.

– Никого ты не убил, – возразил Джимми. – Клянусь богом. Просто попугал немного парня. Ему будет что рассказать внукам.

– Ты точно знаешь?

– Конечно, черт побери. Я зарядил пушки холостыми патронами. Ребята в магазине повалились на пол, потому что *подумали*, что убиты. Хохма, да и только. Через час они сами будут хвататься за животы от смеха. Слушай, я проголодался. Хочешь гамбургер?

Буб сглотнул слюну. Он с трудом верил Джимми. Ведь парень там, в магазине, истекал кровью. Правда, на негре, в которого он выстрелил, крови не было, но тогда Буб плохо соображал. А вот как врезалась полицейская машина, он видел. Ясно видел дырки от пуль на лобовом стекле.

– Приехали, – сказал Джимми. – Деньги есть? А то у меня за душой ни цента.

Они въехали под крышу огромного сооружения из стекла и стали. Такие рисуют в комиксах про Бака Роджерса⁵. Там уже скопилась целая армия беспорядочно припаркованных машин.

Буб прочитал вывеску, губами артикулируя каждый слог: «Тейсти-фриз»⁶.

– Говорят, здесь самые вкусные гамбургеры в мире. Давай посмотрим, что у них есть.

– Э, Джимми, т-т-т-т...

– Ну, говори, парень.

– Т-ты думаешь, это хорошая идея? Разве полиция не ищет нашу машину?

– Им и в голову не придет, что мы остановились поесть гамбургеров.

И действительно, два черно-белых автомобиля с включенными сиренами и мигалками пронесли мимо.

– Понимаешь, я осваиваю новый метод, – стал объяснять Джимми. – Он называется «невозмутимость». Я – малый с железными нервами.

– С железными нервами? – переспросил Буб.

Он не понимал, о чем идет речь.

– Да. Так говорят о настоящих парнях. Малый с железными нервами никогда ни о чем не тревожится, всегда спокоен, всегда смеется. Он – бунтарь. Восстает против всего, потому что знает: все против него. Но он никогда не теряет хладнокровия. Ничто не может вывести его из себя.

Буб задумался, пытаясь осмыслить новый метод Джимми. Неожиданно перед ними появилась официантка, обслуживающая клиентов в машинах.

– Что там за шум, лапочка? – поинтересовался Джимми.

– Какие-то парни ограбили гастроном, – ответила девушка. – Убили несколько человек, в том числе ниггера.

– Да ты подожди, не паникуй, – проговорил Джимми, заговорщицки подмигивая Бубу. – Держу пари, скоро во всем разберутся и выяснится, что на самом деле никто не убит.

– Может быть, – согласилась официантка.

– Какие здесь самые вкусные гамбургеры?

⁵ Бак Роджерс – один из классических героев американской фантастики, капитан звездолета в XXV в.

⁶ «Tastee-Freeze» – товарный знак мягкого мороженого в вафельном рожке.

– У нас разные есть. Например, большой с беконом. Это гамбургер с беконом, сыром, салатом и помидорами. Его половинки скреплены зубочистками, чтобы он не развалился. Сверху воткнут маленький флажок. Очень милая штучка.

– Ну как, Буб, нравится?

Буб кивнул. Он действительно хотел есть.

– Так, – произнес Джимми, – значит, два больших с беконом, два пакетика картошки. А молочный коктейль у вас вкусный? То есть он готовится из *настоящего* мороженого и молока и получается густым?

– Да, сэр. Вкуснее здешних молочных коктейлей во всем городе не найдете.

– Тогда два стакана. Шоколадных.

– Мне клубничный, – заказал Буб.

– Один шоколадный, один клубничный, – уточнила девушка.

Джимми откинулся на спинку сиденья, прикурил сигарету, глубоко затянулся и посмотрел на часы. Вид у него был беззаботный.

– Расслабься, – вполголоса пропел он. – Все будет хорошо. Все обойдется. Мы первоклассные парни.

Официантка принесла гамбургеры. Такой вкуснятины Буб еще не пробовал. В Блу-Ай есть заведение «Чекс чек-аут», где тоже можно взять гамбургеры, но там дают черствые маленькие булочки с жирным куском пережаренной говядины. С этими не сравнить. Боже, просто объединение: мясо нежное, сыр острый, а бекон – пальчики оближешь. И кто только догадался класть в гамбургер бекон?

– Черт побери, – проговорил Буб, – клевый гамбургер, да?

– Королевский, – похвалил Джимми. – Король всех гамбургеров. Ладно, теперь иди за мной.

Он вылез из машины, как бы невзначай прихватив сумку с надписью «ИГА», и неторопливо зашагал по улице.

– Они знают, в какой машине мы были, – объяснил Джимми. – На ней теперь двух кварталов не проехать, перехватят. Возьмем другую, там же, где я взял первую. Смотри, все идет как по маслу.

Они свернули с центральной улицы и, миновав два квартала, оказались в небольшом жилом районе с маленькими аккуратными домиками. Всюду зеленели деревья, и оттого зной переносился легче. Очаровательное место. На газонах во все стороны разлетались струи воды, словно крылья гигантских вентиляторов. Два парня стригли траву, оглашая треском и стрекотом своих машинок всю округу.

– Здравствуйте, мэм, – поприветствовал Джимми пожилую женщину, встретившуюся им на пути. – Добрый день.

– И вам доброго дня, молодой человек, – с улыбкой ответила та.

Они прошли еще немного, пока не увидели одиноко стоявший «олдсмобил». Джимми обернулся и улыбнулся Бубу:

– Понимаешь, если ты нервничаешь, у тебя все из рук валится, люди сразу начинают подозревать, что ты затеял недоброе. А если улыбаешься, держишься с таким видом, будто весь мир у твоих ног, тебя перестают замечать – и делай что хочешь. Посмотри, как все легко получится.

Сказав это, он прогулочным шагом направился к машине и открыл дверцу. Через секунду заработал мотор. Джимми дал задний ход.

– Садись, Буб. Или будешь ждать, когда тебя пригласит мистер Эрл Свэггер?

Буб залез в машину.

Они опять ехали в хорошем автомобиле, спокойно, на небольшой скорости колеся по окраинным улицам. Джимми еще раз взглянул на часы, словно действовал по расписанию.

– Включи радио, поищи какую-нибудь музыку, – приказал он.

Бубу эти слова показались до странности знакомыми. Наклонившись, он стал крутить ручки приемника. Послышались обрывки мелодий, но ни одна из них не соответствовала вкусу Джимми, предпочитавшего сумасшедшие ритмы. На одной частоте звучало кантри, на другой – Пэтси Клайн, Перри Комо пел про луну, мисс Дей исполняла «Que será, será»...⁷

– Власти Форт-Смита организовали в двух штатах облаву на двух вооруженных опасных преступников, которые при ограблении гастронома в центре города убили четырех человек, в том числе полицейского. – Буб слушал сообщение с немым недоумением. – Полиция утверждает, что виновниками грабежа и кровопролития на мирном бульваре Мидленд являются только что освобожденный из тюрьмы Джимми Пай, ранее осужденный за угон автомобилей, и его двоюродный брат Джефферсон Джеймс Пай по прозвищу Буб. Оба преступника – уроженцы города Блу-Ай. Полиция предполагает, что убийцы попытаются вернуться в свой родной округ Полк, чтобы спрятаться в местных лесах. У микрофона полковник полиции штата Тимоти Эверс.

И тут же зазвучал другой голос, более густой и сильный:

– Если я правильно понимаю этих мерзавцев, они направятся в те края, которые им знакомы. Что ж, они попадутся в наши сети, и мы позаботимся о них как положено.

– Ну приятель дает, как с цепи сорвался, – прокомментировал Джимми. – Будто мы его из постели вытащили. Черт побери.

– Дж-Дж-Дж-Джимми!

– Чего тебе, братишка?

– Он же сказал, что мы убили людей.

– Ну, может быть, мой револьвер и был заряжен настоящими пулями. А твой – нет. Ты тут ни при чем. Ты просто ехал со мной за компанию, Буб. Клянусь, твой братан Джимми не стал бы тащить тебя в дерьмо. Это было бы глупо. Сейчас мы едем в Блу-Ай, прихватим Эди – и до свиданья. У меня есть брат в Анадарко. Это в Оклахоме. Думаю, перекантуемся пока у него. Он...

Буб плакал.

– Буб, ну чего ты психуешь, парень?

– Джимми, я хочу к маме. Я не хочу в тюрьму. Я не хотел никого убивать. Ой, Джимми, ну почему все так? Это нечестно. Я никогда не делал ничего плохого, ничего. Я просто хотел...

– Ну, будет, будет, Буб, волноваться-то не о чем. Клянусь, все получится как задумано: поселишься в Калифорнии, будешь первым помощником кинозвезды. И маму привезешь, купишь ей симпатичный домик. Все устроится. Клянусь тебе, все уже устроено.

Буб зашмыгал носом. Сердце ныло. Он бросил револьвер на пол. Только бы кончилось это наваждение.

– Посмотри-ка, – сказал Джимми.

Буб поднял голову и на фоне ярко-голубого неба увидел кричащую вывеску «Фламинго Нэнси». Поскольку был полдень, огни на вывеске бара не горели. Оглядевшись, Буб заметил на улице еще несколько клубов, тоже с неосвещенными вывесками. Все эти ночные заведения были тихими и пустынными. Джимми съехал с дороги на неширокий проезд, который вел на стоянку с большим гаражом, где машин пока не было.

– Эй, – произнес Джимми. – Знаешь что? А ведь мы приехали. У нас получилось. Теперь все будет хорошо.

Огромные ворота гаража раздвинулись, и Джимми въехал внутрь. Их обступили мрак и тишина, нарушаемая только звучащей вдали мелодией, – казалось, та лилась из дешевого маленького радиоприемника.

⁷ «Что будет, то будет» (исп.).

Рок, рок, рок, круглые сутки рок.
Рок, рок, рок, рок до рассвета!

– Спокойствие, – произнес Джимми.

Глава 3

Он думал, что, когда доберется дотуда, все разъяснится, но вместо этого – удивляться нечему – путаницы стало еще больше. Он снял комнату в дешевом мотеле неподалеку от мексиканского квартала и все утро проторчал в номере, раздраженно обдумывая следующий шаг. Но так и не пришел ни к какому выводу.

В итоге он решил прогуляться, надеясь, что ему просто повезет и все, как обычно, образуется само собой. Одно он знал наверняка: не всегда получается так, как хотелось бы. Иногда ситуация выходит из-под контроля, ярость и безумие вырываются наружу, гибнут люди, рушатся жизни. Именно поэтому он и приехал сюда.

А здесь гораздо жарче, чем он предполагал. И солнце совсем ослепительное. Что и говорить, пустыня есть пустыня. Он представлял себе местность несколько иначе. С одной стороны – хребет лиловых гор, вернее даже, холмов, заслоняющих горизонт, с других сторон – невысокие покатые возвышенности, застланные скупой колючей растительностью. Ощетинившиеся стебли кактусов торчат на голой земле, словно смертоносные деревья. Зеленый цвет почти отсутствует, преобладают коричневые, желтые и серые тона.

Маленький провинциальный городишко, где он остановился, вытянулся вдоль единственной центральной улицы, на одном конце которой расположились закусочные. Чуть в стороне, так сказать, на окраине, под сенью привезенных пальмовых деревьев, обосновались жилые трейлеры. На каждом шагу стояли ободранные лавчонки, многие – с заколоченными окнами и дверями. Были здесь также ночные магазинчики, химчистка и киоски с ковбойскими и индейскими сувенирами, в которые изредка заглядывали случайные приезжие. Обычный захолустный городок, каких немало вдали от федеральной трассы. Назывался он Ахо и находился в штате Аризона.

Расс прогуливался по улице, но не видел ничего интересного. Удача была не на его стороне. Наконец он зашел в один из кафе-баров, заказал обед и поел под гомон приглушенных голосов пастухов, болтавших о пустяках. Никто не обращал на него внимания. Расс поднялся и расплатился за сэндвич, протянув бармену пять долларов. На лице последнего мелькнула улыбка, по-видимому означавшая признательность – а может, Рассу только показалось.

– Послушайте, – обратился он к бармену. – Не могли бы вы мне помочь?

– О, держу пари, я знаю, что тебе нужно, сынок.

– Неужто это так очевидно?

– Еще как очевидно, черт побери.

– Что, сюда часто заходят парни вроде меня?

– Бывают вроде тебя, бывают и другие. В городе без малого месяц проторчала бригада западногерманского телевидения. Я им одного жаркого, наверное, на тысячу долларов продал. Среди них был один здоровый мужик, Франц. Ему очень нравилось, как моя жена готовит барбекю.

– Ну и как, раскопали что-нибудь?

– Ни черта. Ни они, ни кто другой. Был еще один шикарный тип из Нью-Йорка. Вел себя так, будто весь мир у его ног, а мы у него в услужении. Полтора месяца провел здесь. Воротила еще тот. Имел дела с парнем, с тем, которого казнили в Юте, и даже с самим О. Джеем⁸. Но у него ничего не вышло. И репортерша из французского журнала уехала ни с чем. Славная малышка. Лучше бы про меня написала. Я выболтал все свои секреты, рассказал даже, как жена готовит барбекю.

– Его вообще кто-нибудь видит? Он бывает на людях?

⁸ О. Джей Симпсон – американский спортсмен, в 1994 г. обвиненный в убийстве жены и ее любовника.

– Появляется. Рослый спокойный парень, но мало с кем общается. Жена чертовски приятная. Дочка маленькая есть. Но у него своя жизнь. Работает, наблюдает, толкается среди людей.

– Можешь сказать, где он живет?

– Не могу, сынок. Он был бы против. А я его уважаю. И ты должен уважать. Думаю, он просто хочет, чтобы его оставили в покое.

– Я уважаю его, – сказал Расс. – Поэтому и приехал сюда.

– У тебя, скорей всего, ничего не выйдет. Так же как у других. Чем ты лучше их?

«Чем я лучше других? – спросил себя Расс. – Да, в этом весь вопрос». А вслух ответил:

– Видишь ли, мне известно то, что другие не могли бы ему сообщить. Это даже не о нем лично.

– Тогда наберись терпения, сынок. Он скоро услышит о тебе. Может, уже слышал. Народ держит его в курсе событий.

– Да, я знаю. Что ж, спасибо. Очевидно, и я закончу тем, что потрачу на барбекю тысячу долларов. Я здесь надолго.

Расс вышел на улицу – ух, ну и солнце! – и полез в карман за темными очками. Едва он их надел, как увидел на дороге пикап. Ему показалось, что человек за рулем – как раз тот, кого он ищет: худощавый загорелый мужчина с обветренным лицом и спокойным, проницательным взглядом. Но нет, это был всего лишь толстый пастух.

Расс стал неторопливо прохаживаться по улице, заглядывая в лица местных жителей, чтобы завязать разговор, но ответом ему был мрачный взгляд маленького американского города, категорично заявлявшего: «Посторонним вход воспрещен». Он вернулся в мотель ни с чем и снова вытащил свою папку.

Собранные в ней бумаги были ветхими, изрядно потрепанными, а некоторые – засаленными: прошли через слишком много рук. Текст на них давно бы исчез, если бы типографская краска имела свойство улетучиваться при чтении. Но этого, слава богу, не случилось: современная печать не поддавалась разрушению, оставаясь яркой и сочной.

Из всех хранившихся в папке документов наибольший интерес представляла обложка «Ньюсуика» за 1992 год. «Герой Боб Ли Свэггер – наемный убийца», – прочитал Расс. Это был номер за тот месяц, когда Свэггера разыскивали по всей Америке. Такой же снимок с подписью «Боб Ли Свэггер – печальное наследие войны во Вьетнаме» Расс видел в журнале «Тайм», но этого номера у него не было. Расс смотрел на старую фотографию Свэггера, снимок, сделанный во Вьетнаме. Он давал полное представление об изображенном человеке и в то же время ничего о нем не говорил: лицо уроженца одного из южных штатов, на вид – лет двадцать пять, а может, и сорок с хвостиком, упрямый подбородок, кожа туго обтягивает череп – так, наверное, выглядит лицо смерти. Впрочем, этот парень и был вестником смерти. Одет в тигровую камуфляжную форму, на голове – фуражка морского пехотинца, брови сдвинуты, глубоко сидящие глаза глядят сощурившись, отвергая всякие контакты не на условиях их хозяина. Это было лицо человека из девятнадцатого века – лицо кавалериста из партизанского отряда Мосби⁹ или Куонтрилла¹⁰ либо участника перестрелки возле ранчо «О. К. Коралл»¹¹. Он принадлежал к числу тех людей, которые не задумываясь выхватывают из кобуры кольт, несутся вперед и через пять минут возвращаются, сделав свое дело. На обложке журнала Свэггер стоял с ружьем, покоящимся на изгибе локтя. Любой с первого же взгляда понимал, что перед ним – один из опаснейших в мире охотников на людей.

⁹ Джон Мосби (1833–1916) – полковник армии Конфедерации. В 1863 г. сформировал кавалерийский партизанский отряд «рейнджеры Мосби», совершавший рейды по тылам северян.

¹⁰ Уильям Куонтрилл (1837–1865) – командир рейнджерского отряда южан во время Гражданской войны.

¹¹ «О. К. Коралл» – ферма близ Тумстона, штат Аризона, возле которой в 1881 г. произошло столкновение между Уайеттом Эрпом (см. примеч. на с. 142) и бандой Айка Клэнтон.

Расс отложил обложку «Ньюсуика» и стал перебирать другие фотографии, изъятые из архива газеты «Дейли оклахомен» (он не так давно ушел оттуда), издававшейся в Оклахома-Сити. Снимки были сделаны в 1992 году во время загадочного слушания, положившего конец двухмесячной популярности Боба Ли Свэггера. После этого процесса он сознательно ушел в тень, выпал из поля зрения общественности. Анонимность, безвестность ему нужны были не меньше, чем Лоуренсу Аравийскому, скрывавшемуся под именем пилота Шоу. И поэтому он просто исчез, растворился без следа, что весьма необычно для Америки, где знаменитостей обычно осыпают деньгами. Но нет, о нем не писали книг, не снимали фильмов; он не выступал в теледискуссиях, не давал интервью, не отвечал на провокационные вопросы аналитиков, предполагавших, будто ему известно то, что неизвестно другим. Правда, один недобросовестный дилетант все же сочинил о нем роман, да еще в газетах для сервайвалистов и фанатов оружия появилось несколько статей с отрывочными сведениями о Свэггере, но Расс знал, что все это недостоверные слухи, абстрактное, бессодержательное теоретизирование – словом, ложь. Его внимание привлекла только заметка о том, что Свэггер женился на симпатичной женщине, присутствовавшей на скандальном слушании, и теперь живет вместе с ней в городке Ахо, штат Аризона.

«Итак, – размышлял Расс, – я в Ахо, сижу в дешевом мотеле и впустую трачу деньги и время».

Наконец на пятый день, когда Расс, сидя в баре, с аппетитом уплетал лакомый кусочек барбекю, стараясь не думать о том, что его деньги на исходе, к нему подошел знакомый бармен.

– Ты слышал, – зашептал он, – сегодня в город приезжает интересующее тебя лицо?

Расс поперхнулся от неожиданности.

– Да, сэр. Сегодня пятница. Он закупает провизию в «Южных штатах». Может, я и напутал, но мне кажется, я только что видел один пикап, движущийся в том направлении. На твоём месте я бы не мешкая сменил позицию.

– Ну и ну! – выпалил Расс.

– Я тебе ничего не говорил.

– Ни слова.

Расс надел темные очки и ринулся на улицу. «Южные штаты», «Южные штаты», где это? Ага, вспомнил: в двух кварталах южнее, ближе к центру, есть место, где собираются фермеры по утрам, прежде чем отправиться на работу, и вечером, по окончании трудового дня. Там можно купить все, от мешка зерна до молотилки «Интернэшнл харвестер» стоимостью в полмиллиона долларов. Расс так разволновался, что едва не забыл, где оставил машину, но потом взял себя в руки и решил, что пойдет пешком.

Он повернул в обратную сторону и помчался, сверкая пятками, лавируя между группками случайных туристов, минуя компании подростков, лениво глазевших на прохожих. «Полный идиот», – посмеивался над собой Расс. Он был взволнован. Однажды, когда он работал в «Дейли оклахомен», ему пришлось подменять кинокритика, уехавшего в отпуск. Расс полетел вместо него в Новый Орлеан на так называемую «пирушку», устроенную в банкетном зале одного из отелей. Он сидел за столиком, тараща глаза на Кевина Костнера и Клинта Иствуда, которых водили по залу. У каждого стола задерживались на полчаса. Вид у Расса, безусловно, был забавный, но тут уж ничего не поделаешь: при появлении кинозвезд в большом зале отеля он испытал те же чувства, что владели им теперь, – головокружение, оцепенение, изумление, ребячий восторг, осознание своей полной ничтожности. А это ведь были просто знаменитые актеры, и, наблюдая за ними, Расс пришел к выводу, что они вполне приличные ребята, но герои ненастоящие.

А теперь он имеет дело с *подлинным* героем: и на войне, и в мирной жизни этот человек совершил много необычного, сверхвыдающегося. Расс бежал на встречу с ним и волновался все больше: мысли путались, пузырились в голове, как мыльная пена, внимание рассеивалось.

«План, – стучало в висках, – нужно составить план действий».

Но прежде, чем он успел что-либо придумать, ноги вынесли его за угол, на автостоянку перед магазином «Южные штаты». Под ботинками хрустел гравий, ноздри тут же забил пыльный воздух. Расс остановился, пожирая глазами развернувшуюся перед ним картину из жизни трудового люда Америки. Человек, наделенный саркастическим воображением Иеронима Босха или наблюдательностью Нормана Рокуэлла, замечавшего малейшие детали, назвал бы это сельским сходом. Во дворе сутились фермеры и пастухи. Собравшись группками у своих пикапов, они рассказывали байки, похлопывали друг друга по плечу, весело толкались. Чуть дальше находились загоны для скота, из которых доносилось мычание коров. Как на товарной станции субботним вечером. Так где же Джон Уэйн?¹² Да тут *все* Джоны Уэйны, черт побери.

У мужчин во дворе, скроенных, казалось, из сыромятной кожи и пеммикана¹³, были бугристые загорелые лица. Все одеты в холщовые робы, с головы до пят затянуты в кожу, на многих – стоптанные сапоги. Только головные уборы различались: одни носили соломенные шляпы, другие – стетсоны, с высокой или приплюснутой тульей, с загнутыми или прямыми краями, третьи – фуражки строителей, четвертые – бейсболки; мелькнула даже пара рыбацких кепок.

В этом хаосе Расс совсем растерялся, чувствуя себя как чернокожий, угодивший на сходку куклуксклановцев. А работяги веселились, балагурили, не обращая на него внимания. Расс бродил между ними, выискивая лицо, схожее с портретом на обложке журнала или на фотографиях, сделанных позднее, – лицо, запомнившееся ему до мельчайших подробностей. Он предполагал, что у такого человека, как Боб, обязательно должны быть приверженцы, которые всюду сопровождают его, не отходя ни на шаг, и все пытался найти короля, окруженного толпой принцев. Безрезультатно. Вскоре Расс заметил, что мужчины по одному, по двое откалываются от своих компаний и куда-то уходят.

– Что происходит? – поинтересовался он у одного из местных.

– Обычное дело. По пятницам в полдень народ идет затариваться провизией. Здесь много магазинов и складов. Гораздо больше, чем ты думаешь. А перед этим ребята собираются, чтобы побалагурить.

– Понятно, – отозвался Расс.

Он продолжал бродить в редющей толпе, тщетно пытаясь различить в смуглых лицах мужчин неопределенного возраста, принадлежавших, казалось, к совершенно иной расе, знакомые черты Боба Ли Свэггера.

Наконец Расс наткнулся на склад, возле которого стоял облезлый пикап. Какой-то работника забрасывал в кузов мешки с провизией.

Расс замер на месте, потом сделал еще шаг и остановился, не отрывая взгляда от мужчины.

Это был рослый человек с красным платком на шее, мокрым от сбегавшего по лицу пота. Одет он был в потертые джинсы и ковбойскую рубашку, выгоревшую на солнце, на голове – измятая и выцветшая красная бейсболка с надписью «Рейзорбэкс».

Почувствовав на себе чужой взгляд, мужчина поднял глаза и посмотрел Рассу в лицо. Да, это был он: несколько старше, чем думал Расс, и смуглее, цвет кожи почти как у наважских гончарных изделий, лицо худощавое, без единой лишней складки жира, и в то же время рыхлое, изборожденное морщинами, но не дряблое, как у старика. Напряженный взгляд серо-

¹² Джон Уэйн (1907–1979) – американский киноактер. Снимался в вестернах и военных фильмах.

¹³ Пеммикан – вяленое мясо бизона.

стальных глаз прожигал насквозь, словно лазерный луч. В облике мужчины не было ничего романтического или героического – обычный работяга, уставший, потный, еще не закончивший свой трудовой день. Он смотрел на Расса раздраженно и неприветливо.

– Чего пялишься, сынок? – сурово спросил мужчина.

Расс залился краской и, в волнении подбежав к нему, скороговоркой произнес:

– Вы мистер Свэггер? Боб Ли Свэггер? Я приехал издалека, чтобы встретиться с вами.

– Зря потратил время, – ответил Свэггер. – Сам пиши свою чертову книгу. Я не собираюсь распинаться перед таким щенком, как ты, да и лучшему писателю в мире ничего не расскажу. Терпеть не могу писак. Ненавижу. А теперь убирайся с дороги.

С этими словами он сел за руль своего грузовичка и уехал.

Боб возился с конем. У того был поврежден глаз, зрачок разъедала язва, – очевидно, инфекцию занесла муха. Заражение распространилось молниеносно, до неузнаваемости обезобразив лошадиную морду: глаз раздулся до размеров бильярдного шара и покрылся мучнистой росой, а вся инфицированная сторона от уха до ноздри превратилась в сплошной нарыв. А вообще-то, серый мерин Билли поражал красотой и статью благодаря заботам девочки, его хозяйки, вырастившей и воспитавшей коня.

– У нас в семье еще никто так ужасно не болел, – жаловалась мать девочки. – Ведь Билли может умереть от этой заразы.

– Ну, будет, будет, – стал успокаивать ее Боб, но его слова предназначались для девочки с серьезным лицом, за все время не проронившей ни звука. – Ветеринар сделал все, что мог. Будем надеяться, что лекарство поможет. Да и мы не подкачаем. Положитесь на нас. Билли получит лучший уход.

Боб Ли Свэггер ходил по земле уже почти пятьдесят лет, и судьба не обделяла его приключениями: он отслужил три срока в морской пехоте, участвовал в военных действиях в Юго-Восточной Азии и занял в этих бесчеловечных состязаниях второе место по снайперской стрельбе. Вся его личная жизнь состояла из сплошных хитросплетений и противоречий, поэтому он меньше всего ожидал, что к старости обретет счастье.

Свэггер и счастье – кто бы мог подумать?

Во-первых, сухой климат Аризоны чудотворно действовал на его штопаное-перештопаное левое бедро: 148-грановая пуля от патрона 7,62 × 54, выпущенная со скоростью 2600 футов в секунду, разворотила в ноге все кости и жилы. Он целый год провалялся в военном госпитале, где бедро собирали по кусочкам. Окончательно его так и не вылечили, и он добрых двадцать лет просыпался по утрам с болью, напоминавшей о том, что если ты зарабатываешь на жизнь охотой на людей, то и на тебя, конечно же, охотятся. Из-за этой боли он едва не стал горьким пьяницей: пил беспробудно почти десять лет, пытаясь избавиться от мук, которые, скорей всего, были вызваны не раной и потому не проходили от лекарств и спиртного. Его преследовали воспоминания о молодых парнях, погибших во цвете лет – как оказалось, только ради того, чтобы их имена были увековечены на черной стене. Смириться с этим было нелегко, потребовалось немало времени, чтобы вновь обрести душевный покой, и теперь отсутствие боли в искаленном бедре он воспринимал как дополнительный заработок, посылаемый ему каждый божий день, будь он проклят. Но это только половина счастья.

Вторая половина – его жена. Женщина. Джулия Фенн, дипломированная медсестра. Сначала он познакомился с ее фотографией, которую носил между каской и подшлемником его корректировщик огня, один из замечательнейших парней, прибывший домой из страны ужасов в пластиковом мешке и деревянном ящике. Но однажды, спустя много лет, земля случайно повернулась так, что Боб и Джулия встретились. Увидев ее, он сразу понял: это она – его судьба. Другого не дано. И Джулия тоже, очевидно, по наитию свыше, мгновенно узнала в нем своего суженого. И вот теперь они женаты и растят дочь по имени Ники, которая пишет свое имя

наоборот: «ИКН4» (4 – это ее возраст), царапая его на всех своих рисунках с изображением лошадей. И это так здорово, в его жизни появилось столько прекрасного, о чем он даже мечтать не смел, изгнанный из общества за то, что выполнял свой долг перед родиной с оружием в руках и одиночными выстрелами уничтожил в далеких странах 87 вражеских солдат. Но это – официальная цифра, на самом деле он отправил на тот свет 341 человека. Сейчас он уже начал забывать свои подвиги.

И последнее, глазурь на его пироге счастья – лошади. Лучшее занятие на свете. Есть в лошадях нечто такое, из-за чего мы питаем к ним искреннюю, глубокую любовь. Они никогда не лгут, отвечают на заботу крепкой привязанностью, не страдают такими пороками, как тщеславие, ревность или лицемерие. Это простодушные создания, выносливые и несмышленные, как рогатый скот, но наделенные особым очарованием, которое он так любит в животных и любил всегда, даже когда охотился на них; теперь он этим не занимается. Пленительные существа, они порой, покоряясь неведомой силе, вдруг сбрасывают сонное оцепенение, прекращают щипать траву и начинают крутиться в удивительном танце, грациозно выстукивая па своими стройными ногами. Когда они, подчиняясь приказаниям маленькой всадницы (такой, как хозяйка Билли или его собственная дочь, которая со временем станет хорошей наездницей), несутся по равнине, выбивая пыль мощными копытами и играя мускулами, он испытывает упоительное счастье, какого не даст ни бутылка, ни ружье в руках – а ведь он испробовал и то и другое.

Боб тренировал Билли, гоняя его на корде. Есть несколько способов управлять лошадью на таких занятиях: можно держать ее на привязи, пуская легким галопом по кругу на расстоянии двадцати футов от себя, подгонять хлыстом или просто голосом, как он делал сейчас.

– Ну, давай, Билли, – напевно приговаривал Боб.

И конь мчался по кругу, разминая мышцы. Получалось, что Билли бежал все время перед его глазами, потому что Боб кружил на месте. Из-под копыт летела пыль, оседая на лоснящемся от пота крупе. После тренировки Билли придется почистить как следует, но это не беда. Во второй половине дня за ним приедут хозяева.

Двадцать минут. Когда Билли стал выздоравливать, Боб начал выводить его на круг, чтобы вернуть силу ослабевшим, вялым ногам, восстановить упругость обмякших мышц, вернуть коню стать и красоту. Билли поначалу противился тренировкам, выглядел неуверенным, потому что его зрение из-за язвы ухудшилось процентов на сорок. В первые дни занятий его сил хватало только на семь-восемь минут, после чего он лишь изображал активность; теперь же Билли мог спокойно бегать по двадцать минут три раза в день и при этом сохранял такой вид, что хоть снова пускай его по кругу.

– Ладно, малыш, – сказал Боб и стал укорачивать веревку, привязанную к металлическому нахрапнику.

Мало-помалу он притянул к себе коня и заставил его остановиться, затем отстегнул корду, снял нахрапник и накинул на Билли уздечку. Теперь нужно минут двадцать выгуливать животное, чтобы оно остыло, – разгоряченного коня не оставляют без присмотра. Потом он его почистит. В три часа за Билли приедут миссис Хастингс и Сьюзи. Все выйдет как нельзя лучше. Билли вернется к прежней жизни. Чем-то ведь нужно заниматься, а эта работа отлично подходит для Боба. Как ветеран морской пехоты, он получал пенсию, Джулия работала в клинике навахской резервации три дня в неделю, а при необходимости и больше, так что их семья ни в чем не испытывала нужды.

– Папа!

К нему обращалась четырехлетняя Ники, светловолосая крепкая малышка.

Хорошо растить детей на ранчо в двадцати милях от города, подумал Боб, прививать им привычку подниматься рано и идти кормить скотину вместе со взрослыми, приучать к тяжелому труду, воспитывать чувство ответственности – в общем, формировать характер. Это идет

на пользу. Его тоже так воспитывали. Правда, его отец погиб при трагически нелепых обстоятельствах.

– Что, ИКН-четыре?

– Билли весь в поту.

– Да, малышка, в поту. Он здорово побегал. Славно потрудился. Теперь мы его выгуляем, и он остынет.

– За Билли сегодня приедут?

– Да, малышка, сегодня. Ему уже лучше. Осталось несколько шрамов, зрение частично утрачено, но в остальном он вполне здоров. Мы его вылечили.

– Я буду скучать по Билли.

– Я тоже. Но он должен вернуться к прежней жизни. Сюзи, его хозяйка, тоже четыре недели скучала по своему любимцу. Теперь ее очередь быть счастливой.

ИКН4, в джинсах, кедах и тенниске – как и все дети, проводящие большую часть времени на скотном дворе среди лошадей, – была похожа на замарашку и светилась от счастья. Она прыгала возле отца, наблюдая, как тот водит Билли по загону. Животное наконец успокоилось и стало дышать нормально.

– Ты будешь его чистить, папа?

– Поможешь мне, солнышко?

– Конечно.

– Ты такая большая, ИКН-четыре, – проговорил Боб.

Девочка смешно сморщила личико в улыбке.

ИКН4 взяла коня за повод, завела в сарай и стала сосредоточенно привязывать. Большое животное не противилось, потому что девочка действовала уверенно и не боялась угодить под копыта.

– Ну, двигайся, сонная кляча! – покрикивала она, подталкивая коня. Взяв еще одну веревку, девочка пристегнула ее к недоуздку, крепко привязав Билли в стойле. – Можно дать ему морковку, папа?

– Погоди, солнышко.

Боб взял шланг, поставил рядом ведро с мыльной водой и стал старательно обтирать Билли губкой – шею, бока, спину, каждую мускулистую ногу.

– Папа! – окликнула его девочка.

– Да, солнышко?

– Папа, здесь был один человек.

В глазах Боба сверкнул огонь.

– Худощавый такой, густые темные волосы, весь напряженный?

– Что значит «напряженный», папа?

– Ну, как будто ему хочется бежать, а он вынужден стоять на месте. Не улыбается, лицо словно сжато в кулак.

– Да, папа. Это он.

– Где ты его видела?

– Его машина стояла на дороге, там, где я утром сошла с автобуса. Розалита посмотрела на него, а он отвернулся.

– Это был пикап? Белого цвета?

– Да, папа. Ты знаешь его? Он хороший? Он мне улыбнулся. Я думаю, он хороший.

– Он просто идиот. Вбил себе в голову, что на мне можно разбогатеть и прославиться. Он скоро устанет торчать здесь и уедет. Мне казалось, он понял, что я не хочу иметь с ним дела. Не думал, что он такой упорный.

И когда только его оставят в покое? Если твою фотографию поместили на обложке журнала, все сразу делают вывод, будто ты знаешь нечто такое, о чем можно написать бестселлер.

Вот уже много лет всякие придурки тянутся к нему. И как только они его находят? Такое впечатление, будто его адрес занесли в какую-то информационную сеть для психов и идиотов, чтобы полоумные неудачники не скучали. Некоторые из них даже не из Америки. Самыми противными оказались немцы: предлагали ему деньги, сулили золотые горы. Но он покончил с этим раз и навсегда. Он сыт по горло своей пресловутой славой. Все, с него хватит.

– Он докучал тебе, малышка?

– Нет, папа. Просто улыбнулся.

– Если увидишь его снова, сразу скажи мне. Я поговорю с ним, и он уедет. Илиждемся, пока ему не надоест здесь околачиваться.

Многие из них через некоторое время просто исчезали. У них были совершенно нелепые представления, безумные идеи. Некоторые приезжали даже не из желания написать о нем и заработать на этом – хотели просто посмотреть на него, вынести что-нибудь из общения с ним, из его рассказов о своей жизни. Глупцы. Его жизнь – не памятник, не символ, не образец для подражания. Его жизнь – это его личная жизнь.

Какое-то время тот парень не давал о себе знать. Но однажды вечером он опять объявился – остановил свой грузовичок напротив их дома, сидел и терпеливо ждал. Джулия вернулась с работы, они поужинали и теперь потягивали на крыльце холодный чай с лимоном, наблюдая, как солнце спускается по безоблачному небу и укладывается спать за невысокими горами.

– А он упрямец.

– Идиот.

– По крайней мере, под ноги не лезет. Воспитанный мальчик.

Все, кто приезжал раньше, обычно влетали на машинах во двор и, спрыгнув на землю, с ходу начинали предлагать контракты, устанавливали камеры, с чувством пожимали ему руку, радостно суетились, уверенные, что делают стоящее дело и наконец-то отыскали эльдорадо. Боб неоднократно звонил шерифу, последний раз – чтобы выдворить немцев, которые вели себя уж очень бесцеремонно.

– Никак не уезжает. Неприятно. Бедняжка ИКН-четыре. Ей-то за что все это?

– Ничего, не рассыплется. Зато она теперь знает, что ее отец – необычный человек. Думаю, она даже испытывает гордость.

Свэггер взглянул на жену: загорелая, красивая, с проседью в белокурых волосах. С тех пор как они поселились в Ахо, Джулия носила только джинсы, футболки и ботинки. Она работала как проклятая, пожалуй, даже больше, чем он, Боб, и это говорило само за себя.

– Сколько ему, говоришь? – спросила она.

– Двадцать два, наверное. Если хочет приключений, пусть идет в морскую пехоту. Несколько недель на острове Парис пойдут ему на пользу. А здесь нечего околачиваться: только ребенка пугает и меня злит.

– Не знаю почему, но мне кажется, он не такой, как другие.

– Просто он напоминает тебе Донни, – ответил Боб, назвав имя первого мужа Джулии.

– Да, наверно. Такой же робкий и неуверенный в себе.

– Донни был отличным парнем, – заметил Боб. – Лучше я никого не встречал.

Донни умер у него на руках. Боб до сих пор отчетливо помнил, как булькала кровь, тонкой струйкой выливаясь из простреленного легкого, как Донни глядел в пустоту, как корчился от дикой боли, судорожно цепляясь левой рукой за его плечо.

«Потерпи, Донни, о боже, санитары! Санитары! Проклятье! Санитары! Только не умирай, все будет хорошо, клянусь, все будет хорошо».

Но все было из рук вон плохо. Санитары не объявлялись. Боб, с раздробленным бедром – постарался все тот же убудок, – остался один у обочины дороги. Донни пришел забрать его, но тоже получил пулю. Боб помнил, как Донни прильнул к нему, отчаянно впиваясь паль-

цами в его тело, словно Боб был для него самой жизнью. Но потом пальцы обмякли, кровь остановилась.

Боб не любил вспоминать, как умирали его друзья. Иногда он держал себя в руках, иногда терял контроль над собой. В душе поселился мрак. В прежнее время Боб заглушил бы боль, выпив виски.

– Прости, – промолвила Джулия. – Не надо было говорить об этом.

– Все нормально. Черт, пойду побеседую с ним с глазу на глаз, скажу, чтоб убирался отсюда, не тратил время впустую.

Боб поднялся, напряженно улыбнулся жене и пошел к машине. Парень сидел в своем стареньком «Форде F-150». Заметив направляющегося к нему Свэггера, он улыбнулся и вылез.

– Какого черта тебе здесь надо? – спросил Боб. – Выкладывай.

Парень подошел к нему. И правда, едва за двадцать. Долговязый, с густой шевелюрой, весь какой-то незащищенный, точно студент. Он был одет в джинсы и модную рубашку с короткими рукавами, на груди – нечто вроде эмблемы.

– Простите, – произнес парень. – Это глупо с моей стороны. Но мне надо поговорить с вами. Я не знал, как еще поступить. Подумал, что, если докажу вам серьезность моих намерений, дам знать, что я здесь, не буду приставать и вести себя как тупица, вы в конце концов согласитесь побеседовать со мной. Вас считают порядочным человеком.

– Я не собираюсь давать вам интервью. Я вообще не даю интервью. Что было, то было. И это касается только меня.

– Клянусь, меня не интересуют события девяносто второго года.

– И я не хочу, чтобы о моем геройстве писали книги. Не буду рассказывать о Вьетнаме. Война кончилась, дело сделано и забыто. Пусть мертвые спят спокойно.

– Я приехал вовсе не затем, чтобы расспрашивать о Вьетнаме. Но вы правы, я хочу поговорить о погибших.

Мужчины долго смотрели друг другу в глаза. Темнело. Солнце закатилось за горы; над землей сгущалась серая мгла. Все стихло. Погибшие. Не трогайте их, пожалуйста. Какая от этого польза, что тут хорошего? Зачем этот мальчик пришел к нему и бережит память о мертвых? Он вдоволь насмотрелся на смерть.

– Так выкладывай, черт побери, что тебе надо! Тебе нужна книга? Хочешь написать книгу?

– Да, хочу написать книгу. Книгу о величайшем герое Америки. Верно, этот герой родом из Блу-Ай, штат Арканзас. Подобных ему на земле больше нет.

– Книги не будет! – отрезал Боб.

– Позвольте мне договорить, – продолжал парень. – Этого героя зовут... звали Эрл Свэггер. За участие в сражении на Иводзиме награжден Почетной медалью Конгресса. Получил ее двадцать второго февраля сорок пятого года, на третий день после начала операции. По возвращении домой служил в полиции Арканзаса. Двадцать третьего июля пятьдесят пятого года вступил в перестрелку с двумя вооруженными грабителями, которых звали Джимми и Буб Пай. И убил обоих. – Боб сурово взглянул на парня. – А они убили его. Вашего отца. Я хочу написать книгу о вашем отце.

Глава 4

Эрл велел Лему оставаться у трупа девушки до прибытия следственной группы и окружного коронера, а сам вернулся к машине. Джек и Лам Поузи стояли, прислонившись к капоту грузовика Попа Двайера, и вместе с ним издавали пьяные выкрики. Перехватив сердитый взгляд Свэггера, все трое мгновенно умолкли. Лицо Джеда распухло, пожелтело и напоминало гнилой грейпфрут. Но он был крепким парнем и мог выдержать многочасовую взбучку.

– Вы, ребята, остаетесь здесь до прибытия следователей. Поп, собаки остыли?

– Остыли, мистер Эрл, насколько возможно в такую погоду.

– Хорошо. Ты тоже остаешься здесь, понял?

– Понял, – ответил Поп.

Эрл сел в автомобиль, завел мотор и включил радио. В эфире шли бурные переговоры: власти Арканзаса готовились к облаве на преступников. В операции были задействованы силы полиции штата, все сто одиннадцать сотрудников. Эрл недоверчиво вслушивался в радиопереговоры, словно его недоверие могло положить конец этому трагическому недоразумению. Но голоса в эфире не смолкали.

– Первый, на связи машина двадцать девятого. Мы блокировали квадрат двести двадцать шесть, два наряда перекрывают район между квадратами двести двадцать шесть и двести семьдесят один. Как понял, первый?

– Вас понял, первый. Я на связи. У нас работают три наряда, на подходе еще несколько.

– Уолли, полковник говорит, что ты, возможно, решишь послать один из нарядов к Лавке. Чаффи прислал нам на помощь большой отряд военных. Думаю, они и вертушками помогут.

– Первый, наряд к Лавке послан.

– Хорошо, двадцать девятый. Конец связи.

По голосу Эрл признал в двадцать девятом Билла Коула, лейтенанта из округа Логан. На головной станции сидел заместитель начальника полиции майор Дон Бентин; полковник Эверс, должно быть, отдавал распоряжения, все еще находясь где-нибудь в Литл-Роке. Сейчас он, вероятно, направлялся в район операции, чтобы взять командование на себя.

«Джимми, безмозглый ты пацан! – думал Эрл во внезапном приступе горькой ярости. – Где мы тебя просмотрели? Что нашло на тебя, парень? Как ты мог совершить такое?»

Он не находил ответов на свои вопросы: Джимми всегда был непредсказуемым. Эрл покачал головой. Во многом это его вина, ведь он постоянно успокаивал Джимми Пая, убеждал, что все устроится. Всегда мчался ему на выручку, помогал пережить очередное падение, даже когда начал замечать, что Джимми отдаляется от него, отвергает его помощь, становится непохожим на беднягу Лэнни Пая.

Мысли Эрла переключились на двоюродного брата Джимми, Буба Пая. Тихий, неприметный мальчик, неспособный, как знали все, добиться чего-нибудь в жизни. Не то что Джимми. Эрл даже не мог вспомнить лица Буба, хотя виделся с ним не далее как вчера. Буб был незапоминающейся личностью. Что теперь с ним будет? Буб учился плотницкому делу, но безуспешно, поэтому его уволили с работы, а другого места он так и не нашел. Но Буб – скромный, порядочный парень, хотя и бесперспективный. Он не преступник. Это Джимми, будь он проклят, превратил его в преступника.

Эрлу стало совсем не по себе. Сначала чернокожая девочка, бедняжка, теперь Джимми Пай – и все в один день, черт побери!

Такого отвратительного дня у него не было со времен Иводзимы.

Эрл нехотя взял микрофон и нажал на кнопку связи:

– Первый, на связи машина четырнадцатого.

– Эрл, где ты был?

- Обследовал место преступления, майор. Вы выслали следственную группу?
 - Нет, четырнадцатый. Эрл, девочку придется оставить, пока мы не поймем Джимми Пая. Я посмотрел его дело: он из округа Полк. Последний раз его арестовывал ты.
 - Я знаю его семью, – сказал Эрл.
 - Ладно, хорошо.
 - Мне отправиться на блокпост или присоединиться к группе поиска?
 - Нет, четырнадцатый. Возьми под наблюдение его родных. Может быть, он попытается связаться с ними. Кажется, у него есть жена, так написано в деле.
 - Да, он женился за неделю до того, как сел в тюрьму, – подтвердил Эрл.
 - Тогда держи под наблюдением ее и всех остальных его родственников в округе. Если понадобится помощь, вызывай ребят шерифа.
 - Ясно, майор. А когда ждать следственную группу? Надо, чтобы она прибыла как можно скорее.
 - Может, ближе к вечеру, Эрл. У ребят полно работы в гастрономе Форт-Смита. Там море крови. Он убил двух работников в служебном помещении и нигтера в зале, а еще прихлопнул в машине парня из городской полиции. Дело плохо, Эрл.
- Сердито кивнув, Свэггер посмотрел на часы.

Эрл ехал по негритянскому кварталу на западе Блу-Ай, под горой Рич. Улицы тесные и грязные. И почему эти пропащие люди не могут убрать мусор, подстричь газоны, развести сады? Куда ни помотришь, всюду запустение. На крылечках лачуг сидели без дела босоногие детишки в лохмотьях и пялили на него свои огромные глаза, полные скуки. Правда, когда его машина неожиданно для них появлялась из-за угла, Эрл успевал заметить, что они весело играют в разные игры: скачут через веревочку, прячутся друг от друга. Но, едва завидев черно-белый автомобиль и сидящего в нем мужчину в широкополой шляпе, они мгновенно замирали и следили за ним с пустым выражением на лицах.

Вскоре он миновал «похоронное бюро Фуллера» – самое большое здание в негритянском квартале. Это был старый особняк, построенный еще тогда, когда здесь под сенью вязов жили белые. Чуть дальше стояло другое внушительное сооружение – церковь, обшитая белыми досками. Наконец Эрл добрался до тенистой улицы, где обосновались семьи негров, принадлежавших к среднему классу.

Дом Паркеров, третий по правой стороне, тоже был обшит деревом – маленький, но аккуратный и ухоженный, с крылечком и решеткой, увитой глицинией. Миссис Паркер руководила церковным хором. Ее супруг, Рэй, был единственным чернокожим служащим в компании, владевшей сетью бензоколонок.

Не увидев возле дома Паркеров полицейских машин, Эрл испытал одновременно радость и тоску. Это означало, что он сможет поговорить с хозяевами с глазу на глаз, без вмешательства оравы тучных белых мужчин с эмблемами и револьверами, что испугало бы Паркеров или, по меньшей мере, вынудило их вести себя настороженно. Однако в этом случае ему придется сообщить родителям о смерти их дочери. Пожалуй, следует вызвать священника.

Свэггер припарковал машину и почувствовал на себе чей-то взгляд. На крыльце стояла мать Ширелл. Темно-коричневая кожа приобрела пепельный оттенок, лицо осунулось, как у больной, грудь тяжело вздымалась и опускалась.

Приблизившись к женщине, Эрл снял шляпу:

- Миссис Паркер...
- Вы нашли мою дочку?
- Миссис Паркер, сядьте, пожалуйста. Я, с вашего позволения, позову священника.
- Господин Эрл, скажите, что с ней, прошу вас. О Господи всемогущий, говорите же.

– Мэм, мне очень жаль. Ваша дочь погибла. Мы нашли ее тело в двенадцати милях от города, в стороне от дороги.

– Боже мой, – запричитала женщина. – Боже мой, Боже мой, Боже мой! За что ты ниспослал мне такое испытание? Он ведь знает, как я люблю его. Господи, я люблю тебя, Господи. Воистину люблю.

Всхлипывая, она начала раскачиваться на стуле. Бытовало мнение – и Эрл почти верил этому, – что негры не способны переживать горе и душевные муки так, как белые. Говорили, будто у них ущербная психика. Но миссис Паркер страдала так же, как страдала бы любая белая женщина. Горе захлестнуло ее. Подобное выражение скорби Эрл наблюдал, когда воевал на Тихом океане: так убивались по потерянными друзьям солдаты. Эрл подумал о сыне, и у него защемило сердце, словно он потерял своего мальчика. Ему хотелось дотронуться до бедной женщины, попытаться утешить ее, но могло ли ей помочь прикосновение человека с другим цветом кожи?

– Я вам очень сочувствую, мэм.

Пригнув голову, Эрл вошел в дом. Внутри было сумрачно и опрятно. Он нашел телефон и снял трубку.

– Коммутатор!

– Бетти, говорит Эрл Свэггер.

– Эрл, что ты делаешь в негритянском квартале? Это же номер миссис Паркер!

– У них неприятности. Соедини меня со священником Хейрстоном.

Бетти переключила номер, и Эрл сообщил Хейрстону о случившемся. Тот пообещал, что через несколько минут будет у Паркеров вместе с сестрой и теткой хозяйки. Эрл вышел на крыльцо, где сидела безутешная мать.

– Как умерла моя дочь, господин Эрл?

– Ужасная смерть. Похоже, ее задушили или забили до смерти. Однако, думаю, она недолго мучилась.

– Ее... ну, вы понимаете...

– Боюсь, что да, мэм. Эти скоты распаляются и не контролируют себя.

– О Господи, – промолвила миссис Паркер. – Он отнял у нас все. Все без остатка.

– Ваша девочка теперь на небесах и больше не страдает, – сказал Эрл. – Завтра вас посетит полиция. Спросят, в котором часу она ушла из дому и с кем, кто ее друзья.

Женщина взглянула на Свэггера:

– Господин Эрл, им плевать на негритянку. Они не станут ничего выяснять. Им все равно.

Эрл промолчал. Замечание миссис Паркер было верно, но только в отношении шерифа Блу-Ай.

– Видите ли, мэм, поскольку преступление совершено за чертой города, расследованием займется полиция штата. А уж я со своей стороны постараюсь, чтобы преступник был найден. Мы поймем его, кем бы он ни был, ясно? Клянусь, мы распутаем это дело, я лично распутаю.

– О Господи, – повторила женщина, поднося к заплаканному лицу платок из тонкой дорожной материи.

– Миссис Паркер, я знаю, вам тяжело сейчас, но мне надо задать вам два-три вопроса, чтобы начать расследование. Пожалуйста, сосредоточьтесь. Постарайтесь отвечать полнее. Это касается вашей дочери.

Женщина молча кивнула.

– Вам знакомы инициалы «РДФ»?

– Нет, сэр.

– Скажите точно, в котором часу девочка ушла из дому и куда направилась?

– Она ушла во вторник вечером. Четыре дня назад. Пошла в церковь на собрание. А назад не вернулась.

- Вы точно знаете, что она была в церкви?
- Священник сказал, что была.
- Что это было за собрание?

Женщина посмотрела на Свэггера, и тот сразу догадался, что коснулся чего-то существенного, – у него был нюх на такие вещи.

- Обычное собрание, господин Эрл. Собрание прихожан. Во славу Господа.
- Свэггер пометил в своем блокноте: «Что за собрание? Кто на нем присутствовал?»
- Потом она ушла, так?
- Да, сэр. Она направилась домой.

Эрл окинул взглядом улицу. Церковь находилась за два дома. Боже, да ее подобрали прямо здесь!

- Господин Эрл, где сейчас моя дочка? Ее уже увезли оттуда, да?
- Нет, мэм. Боюсь, она все еще там. Мы ждем следственную группу из Форт-Смита. Сегодня совершено еще одно преступление. Ограбление. Есть убитые. Говорят, стрелял один мерзавец из этих мест.

– Боже мой, Боже мой, – бормотала женщина.

Эрл собрался было спросить миссис Паркер о друзьях ее дочери, но в это время к дому подъехал старенький автомобиль священника Хейрстона.

– О сестра Люсиль, – запричитал он. – О Боже, помогите нам. Помогите нам, Иисус.

Священник подбежал к миссис Паркер. За ним спешили четверо или пятеро полногрудых негритянок с грустными лицами. Они окружили несчастную мать и все вместе зарыдали. Эрл отступил в сторону.

Эрл в тоске ехал по Восемьдесят восьмому шоссе, на запад, в сторону Нанли. На холмах зеленели пастбища. Его путь пролегал мимо летней резиденции босса Гарри Этериджа, горы Ритрит и двух каменных столбов, на которых висели кованые железные ворота – свидетельство высокого общественного положения босса Гарри, неоднократно избиравшегося в Конгресс США. Дорога петляла, карабкаясь вверх по склону к дому Этериджа на противоположной стороне холма. Все было спокойно. За забором – никаких признаков жизни. Очевидно, босс Гарри вернулся в Вашингтон или проводил время в Форт-Смите, где у него был особняк.

Эрл включил радио: только сигналы вызова с дорожных блокпостов, новостей нет. Джимми и Буб не объявлялись.

– Первый, – наконец произнес Эрл, – на связи четырнадцатый. Я нахожусь в квадрате сто семьдесят шесть, направляюсь к дому Пая в восточной части округа Полк.

– Вас понял, четырнадцатый.

– Что-нибудь слышно о том, когда следственная группа прибудет в квадрат сто тридцать девять, на шоссе номер семьдесят один?

– Кажется, они закончили работу в Форт-Смите. Примерно в шесть появятся в квадрате сто семьдесят семь. Похоже, подустали. Тяжелый день.

– Это верно. Первый, если схватите Джимми, сообщите мне. Хочу вернуться в свой сто тридцать девятый.

– Хорошо, Эрл. Желаю удачи.

– Вас понял. Конец связи.

В Нанли было лишь несколько складов да еще лесопилка Майка Логана, расположенная в стороне от дороги. Чуть дальше находилось поместье Лонгакров. Эрл свернул налево, миновал большое здание и поехал по грязной дороге через пастбища, где нагуливали вес мясные коровы из самого крупного стада в Западном Арканзасе. Коттедж, выстроенный миссис Лонгакр для сына и невестки (они погибли в автокатастрофе в Новом Орлеане, так и не успев въехать в свой новый дом), представлял собой причудливо пышное сооружение – воплощение представлений

матери о жилище, достойном любимого сына и его жены. Сын должен был унаследовать всю фамильную собственность, но этого не случилось.

Перед коттеджем Эрл заметил машину шерифа и «кадиллак» хозяйки.

– Здорово, Эрл.

– Привет, Бадди. Ты вроде как не на своей территории?

– Шериф решил, что неплохо бы понаблюдать за домом, на тот случай, если Джимми рванет сюда. Пусть только появится, уж я его встречу.

Бадди показал большим пальцем на заднее сиденье. Эрл разглядел через стекло автомат Томпсона, вроде того, с которым он воевал. Правда, эта модель была выпущена не для вооруженных сил: диск на пятьдесят патронов, вертикальная рукоятка, укрепленная под ребристым стволом с надульником, – совсем как у Аль Капоне.

– Порой ты меня удивляешь, Бадди, – сказал Эрл. – Если уж Джимми прорвется через пятьдесят постов, расставленных на участке в семьдесят миль, ты не станешь для него помехой. Так что спрячь свою игрушку в багажник, а то подстрелишь кого не следует.

– Черт побери, Эрл, с тех пор как тебя наградили медалью, будь она проклята, ты совсем зазнался, всеми помыкаешь, распоряжаешься как командир.

Эрл никогда не кичился своей наградой и раздражался, если кто-нибудь без повода упоминал о ней. И сейчас в нем вспыхнул гнев, но он сдержался.

– Я достаточно поработал с оружием на войне, – заговорил он властно, – и знаю, что с ним надо уметь обращаться. В неумелых руках оно пуляет куда попало. А мне не хотелось бы, чтобы ты прихлопнул кого-нибудь зазря. Да и ты этого не хочешь. Так что спрячь автомат в багажник и двигай отсюда. Если шериф Джекспросит, почему уехал, скажешь, что я приказал.

Бадди с недовольным видом подчинился.

Эрл поднялся на крыльцо и постучал.

Дверь открыла сама Конни.

– Эрл, слава тебе господи!

– Здравствуйте, миссис Конни, – поприветствовал хозяйку Свэггер.

Конни Лонгакр была родом из Балтимора. С Рэнсом Лонгакром она познакомилась где-то там же, на востоке, вышла за него замуж и приехала в Полк, который стал для нее родным домом. Сама же она сделалась хозяйкой крупнейшего в округе стада. Поместье Лонгакров слыло самым красивым во всем округе, и Конни с Рэнсом жили здесь как магараджи, но несколько лет назад босс Гарри купил всю землю на горе. Конни Лонгакр смерть преследовала по пятам, словно навязчивая черная собачонка. Рэнс умер в сорок восемь, а год назад погибли ее единственный сын Стивен (ему было всего двадцать четыре) и его жена, ожидавшая ребенка. На долю Конни выпало немало горя, но она в свои пятьдесят с лишним по-прежнему поражала красотой, присущей женщинам из восточных штатов.

– Вы отправили отсюда этого ужасного троглодита?

Эрл не знал значения слова «троглодит», но по тону женщины понял, о ком идет речь.

– Да, мэм. Он уже уехал. Как Эди?

– О, – протянула миссис Лонгакр. – Переживает.

– Да, конечно.

– Эрл, что же все-таки произошло?

– Миссис Конни, я и сам не понимаю. Джимми, он... э... Джимми непредсказуем. Никогда не знаешь, что у него на уме.

– Я никогда особо не верила Джимми, Эрл. Я ведь достаточно пожила на свете и знаю: не все то золото, что блестит.

– Он рос без отца.

– Да, знаю, Эрл, и этим всегда оправдывали проступки Джимми. Однако многие ребята росли без отцов и тем не менее с пути не сбились.

– Мне следовало уделять ему больше внимания. Я мог бы сделать для него больше. Но я был занят собственным сыном.

– Его поймают?

– Да, поймают. И воздадут по заслугам. Он заплатит за свое преступление. Иначе и быть не может.

– И правильно. А вот брата его мне жаль, беднягу.

– Буб очень любит Джимми. А Джимми любить опасно. Не очень хороший нынче день для Арканзаса, – пожаловался Эрл. – Утром к северу от города мы нашли труп чернокожей девушки. Кто-то надругался над ней.

– О боже. Кто она?

– Ширелл Паркер.

– Я была знакома с Ширелл. И мать ее знаю. Эрл, это ужасно. – Видно было, что сообщение о смерти девушки потрясло миссис Лонгакр. – Бедняги, – наконец промолвила она. – Горе преследует их.

– Радостей у них не много, это точно.

– Полагаю, убил кто-нибудь из негров?

– Надеюсь, что так. Хотя трудно сказать, миссис Конни. Идет какая-то подозрительная возня, и мне это не нравится.

– Эрл...

Свэггер обернулся.

– Милая, тебе не стоило вставать, – проговорила миссис Лонгакр.

Эрл смотрел на Эди Уайт-Пай, стараясь не выдать своего волнения. Внешне бесстрастный, он не был человеком бесчувственным. Он просто запрятал свои эмоции поглубже и вколотив в них парочку гвоздей, чтобы они не лезли наружу.

Эди начала встречаться с Джимми Паем в 1950 году, когда тот вывел футбольную команду школы Блу-Ай на второе место в штате. Она была, пожалуй, самой красивой девушкой во всем округе Полк. Отец Эди погиб на войне, спустя две недели после высадки в Нормандии; его изжарил немецкий «тигр». Мать воспитывала Эди одна, но девочка не доставляла хлопот, была примерным ребенком. Ее называли Белоснежкой. Джимми был ее прекрасным принцем и, когда не безумствовал, полностью соответствовал этой характеристике.

Эрл посмотрел на девушку с минуту, а потом запрятал свои чувства еще глубже, вколотив в них еще четыре гвоздя.

– О, мистер Эрл, – промолвила Эди. – Мне так жаль!

– Не о чем жалеть, Эди, – сказал Свэггер. – Джимми сделал свой выбор. Сам виноват. На этот раз он не уйдет от ответа. Я только надеюсь, что убитых больше не будет.

Не дай бог, если Джимми наткнется на кого-нибудь вроде Бадди Тилла с его автоматом: крови не оберешься, и упаси господи кому-нибудь влезть между ними. Эрл поежился.

– Проклятый мальчишка, – заговорила Конни Лонгакр. – Ему надо было родиться уродом. Подолгу торчал перед зеркалом. Я не доверяю тем, кто только и знает, что любоваться своим отражением. Эди, тебе нужен настоящий мужчина, надежный. Жаль, что Эрл уже женат и имеет сына. Рэнс всегда говорил, что в округе Полк не родился еще человек достойнее Эрла Свэггера. А это было еще перед войной!

– Ну, будет вам, миссис Конни, – остановил женщину Свэггер.

Миссис Лонгакр любила бросать провокационные фразы, а после с интересом наблюдала за реакцией своих жертв.

– Будь я моложе, выбрала бы Эрла, и точка.

– Эди, мне нужно поговорить с тобой. Я должен задать тебе несколько формальных вопросов. Меня попросили оставаться здесь, на тот случай, если сюда заявится Джимми.

– Этот глупый мальчишка уже на пути в Голливуд, если хотите знать мое мнение, – заявила Конни. – В этих краях мы его больше не увидим. Ладно, я ненадолго покину вас. У меня еще дела есть. Будь поласковой с ней, Эрл.

– Слушаюсь, мэм.

Свэггер и Эди сели у окна. Рядом с ней Эрл всегда испытывал неловкость и смущение. Скрип кожаных ботинок и портупей резал ухо, колыт давил тяжелым грузом.

Он вытащил свой блокнот, перелистнул страниц десять с записями по делу об убийстве Ширелл Паркер.

– Джимми давал о себе знать?

– Нет, мистер Эрл. Последний раз я разговаривала с ним три недели назад. Ничего странного в его словах не заметила. Он думал, как выйдет на свободу, поэтому был возбужден и взволнован. Неделью назад я получила от него замечательное письмо. Идея с лесопилкой пришла ему по душе. Он сказал, что через пять лет станет ее хозяином!

– Он не говорил, что в тюрьме у него появились новые друзья или что-нибудь в этом роде?

– Нет, сэр.

– Иногда ребята вроде Джимми попадают под влияние крутых парней. Он точно не упоминал о новом друге?

– Нет, сэр.

– Не скрывай от меня ничего. Не думай, будто предашь его. Он убил и должен понести наказание. Пусть ответит за преступление как настоящий мужчина. Лучшее, что можно придумать сейчас, – явка с повинной и беспристрастный суд.

– Только этого я и хочу, Эрл. Я никогда никому не желала зла. О, Эрл, неужели это правда? Неужели он убил четверых?

– Так говорят. Во всяком случае, его опознали четыре свидетеля. И Буба тоже.

Эди отвела взгляд на залитые солнцем поля.

– Бедный Буб, – наконец промолвила она. – Он ведь и мухи ни разу не обидел.

«Джимми, Джимми, Джимми, – с горечью думал Эрл. – Дурак безмозглый. Ну какого черта ты устроил все это?»

– Сегодня он не давал о себе знать?

– Нет. По правде говоря, мистер Эрл, я вообще не хочу его видеть. Я этого не вынесу. Это слишком ужасно. Я должна начать все сначала. – Эди заплакала, потом повернулась к нему. – Мистер Эрл, вы должны знать. Я вышла замуж за Джимми, потому что потеряла честь. Я позволила ему...

– Не говори ничего. Это твое дело.

– Я забеременела. У меня не было выбора. Ребенку нужен отец... Об этом известно только миссис Конни. Моя бедная мама умерла бы с горя, если б узнала.

– Никто ничего не узнает, – заверил девушку Эрл.

– Никто. Я потеряла ребенка. Месяц назад у меня случился выкидыш... Я потеряла ребенка и... стала женой убийцы. О, Эрл!

– Не волнуйся, – сказал Свэггер. – Все устроится.

Зазвонил телефон.

– Ответить?

– Это, скорей всего, меня.

Эди сняла трубку. Нет, звонили не Эрлу.

– Это Джимми, – прошептала она.

Глава 5

Гость пристроился на крыльце рядом с Бобом и Джулией.

– Пожалуйста, принеси ему чего-нибудь попить, – попросил Боб жену. – Он хочет написать книгу о моем отце.

– Чем вас угостить? Лимонадом? Кока-колой? Спиртного у нас нет.

– Я алкоголик, – объяснил Боб. – Поэтому мы не держим в доме крепких напитков.

– Кока-колы, пожалуйста, – сказал парень.

Боб разглядывал его. Кто он? Посланец царства мертвых? Как смеет он говорить ему об отце? Боб испытывал странное волнение. Не страх, нет. Смятение, неуверенность в себе. Хотя парень на вид был вполне безобидным. Очки в тонкой металлической оправе придавали его лицу слегка растерянное, даже робкое выражение. Такое же выражение Боб видел на лицах ребят, которых ему приходилось вести в бой. Почему я? Почему другие? Почему?

Джулия принесла банку кока-колы и бокал со льдом. Банка оказалась холодной, поэтому Расс, оставив бокал, стал пить прямо из нее.

– Рассказывай, – скомандовал Боб.

– Меня зовут Рассел Пьюти. Вернее, Рассел Пьюти-младший. Мне двадцать два. Два года проучился в Принстонском университете, потом бросил. Фамилия Пьюти вам о чем-нибудь говорит?

– Пока нет, – ответил Боб.

– Мой отец – Рассел Пьюти-старший. Его называют Бадом. Три года назад он вышел в отставку, а до того служил в оклахомской дорожной полиции, сержантом. Крепкий, мировой мужик. Порядочный. Все его очень любили. Даже немного прославился. О нем в журналах писали. И фильм хотят снять – как о человеке долга, чести и все в таком роде.

– Что-то не припоминаю. Должно быть, прошло мимо меня.

– Может, с фильмом и не получилось, – продолжал парень. – С отцом больше не общаюсь... так что не знаю точно. Дело было так: в июне девяносто четвертого года некто по имени Ламар Пай и с ним еще двое бежали из оклахомской тюрьмы Макалестер. Ламар был опасным преступником: властный, жестокий, несговорчивый, очень умный и агрессивный. Надевал много шуму на юго-западе Оклахомы. Там о нем до сих пор помнят. Грабежи, убийства, похищение людей, драки. Так уж получилось, что он и мой отец... в общем, судьба свела их. Ламар устроил отцу засаду, ранил его, правда легко, а вот напарника убил. Отец воспринял это как личное оскорбление. Он дважды его выслеживал. Между ними три раза случались перестрелки. Отец убил его двоюродного брата, затем женщину, которая путалась с Паем, и наконец самого Пая. Сначала разворотил ему пулей лицо, потом добил выстрелом в голову.

– Храбрец, – заметил Боб.

– Ну да, – произнес Расс таким тоном, словно сомневался в верности вынесенного суждения. – Он получил тяжелое ранение. Прострелено легкое, сломана ключица, поврежден нерв, так что правая рука осталась парализованной. Но он встал на ноги и в один прекрасный день сказал матери: «Я люблю тебя и всегда буду любить, а теперь прощай». И ушел. Покинул ее без сожаления. Поселился в небольшом домике на другом конце города, возле аэропорта. Он полюбил другую женщину, сошелся с ней. Жена его напарника, намного моложе отца, примерно моего возраста.

– Простите, Расс, – перебила Джулия, – к чему вы ведете? Какое это имеет отношение к моему мужу?

– Я все думаю, сколько горя причинил нашей семье Ламар Пай. И нам еще повезло. Мы остались живы. Ламар Пай натворил много бед, прежде чем отцу удалось прикончить его. Он убил при побеге из тюрьмы, застрелил Теда Пеппера, отцовского напарника, избил фермера и

его жену, которая вскоре умерла, похитил молодую женщину и затерроризировал ее, во время ограбления убил семерых. А нам повезло. Ламар Пай свел в могилу одиннадцать человек. За три месяца. Но он отомстил и моей семье. Разрушил ее. Как ни крути, это из-за него отец бросил маму. Она чуть не умерла с горя. Честно признаюсь: я теперь ненавижу отца. Они столько лет прожили вместе. Как он мог так жестоко обойтись с ней? Ламар уничтожил бы нашу семью в любом случае, даже если бы все Пьюти пережили его. Если бы он прибег к оружию, то и тогда не добился бы большего.

Расс замолчал и глотнул из банки. Все вокруг уже погрузилось во тьму.

– Меня заело любопытство. Откуда взялся этот Ламар Пай? Отчего столько злости, ненависти, жестокости? Почему он стал извергом? Вот я и подумал: это материал для книги. Для замечательной книги. Которая расскажет не только о том, как мой отец поймал Ламара Пая, но и о том, как появляются на свет ламары пай.

– Расс, мы так и не... – опять перебила его Джулия.

– Дорогая, дай парню закончить, – остановил жену Боб. – Я понимаю, к чему он клонит.

– Я знал, что вы догадаетесь, – сказал Расс. – Так вот, я связался с начальством тюрьмы Макалестер – я ведь журналист, работаю в газете «Дейли оклахомен», которая издается в Оклахома-Сити, являюсь помощником редактора рубрики «Стиль жизни» – и получил доступ к его досье и оставшимся после него вещам. Я нашел его дело, заведенное в исправительной школе, данные о приводах в полицию и судимостях, его тюремные документы, а еще – вот это.

Расс вытащил из бумажника листок с газетным текстом и вручил Бобу.

– Что это, милый? – спросила Джулия.

Боб сразу же узнал текст и содрогнулся.

Это была статья из арканзасской «Газетт» за 24 июля 1955 года.

«ОТВАЖНЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ УБИВАЕТ ДВУХ ПРЕСТУПНИКОВ И ПОГИБАЕТ» – гласил заголовок.

Вчера вечером на шоссе № 71, к югу от Форт-Смита, произошла перестрелка между сотрудником полиции штата и двумя преступниками, подозреваемыми в совершении нескольких убийств. Преступники убиты, полицейский скончался от полученных огнестрельных ранений.

Погибшими оказались 45-летний сержант полиции Эрл Ли Свэггер из округа Полк, награжденный Почетной медалью Конгресса за участие в боевых действиях на Тихом океане, а также Джим М. Пай, 23-летний уроженец Форт-Смита, и его двоюродный брат Буфорд Пай, по прозвищу Буб, 20-летний житель округа Полк.

Боб пробежал глазами статью о событиях, произошедших много лет назад, и передал ее жене. Та начала читать, а он сказал:

– Видишь, этот Ламар Пай, убивавший народ в Оклахоме, сын... моя догадка верна?

– Да, – ответил Расс.

– Сын человека, который убил моего отца.

– Теперь вы понимаете... – начал Расс.

– Кстати, – сухо заметил Боб, – тогда газеты были немногим лучше нынешних. «Газетт» издается в Литл-Роке, где вообще ничего не знают о Западном Арканзасе. Они исказили факты. Написали, что перестрелка произошла севернее от Форт-Смита, а на самом деле это случилось южнее. Вот поэтому я им и не доверяю.

– Ну, – произнес Расс, чуть растерявшись, – э... да, ошибки случаются. Э... но видите ли, если я соберусь написать книгу о Ламаре Пае, о его преступлениях, о том, откуда он взялся, я должен буду начать с событий, произошедших вечером двадцать третьего июля тысяча девятьсот пятьдесят пятого года. Все началось в тот вечер: жизнь Ламара, как она отразилась на

окружающих. Значит ли это, что всему виной гены, что яблоко от яблони недалеко падает? Возможно. Джим Пай был преступником, убийцей, его сын тоже сделался преступником и убийцей. И другая пара: Эрл Свэггер – герой войны, человек чести, и его сын – герой войны, человек чести.

– Да, мой отец был благородным человеком, – согласился Боб. – А я просто служил в морской пехоте.

– Но ведь все началось в тот вечер. Все: ваша жизнь, жизнь Ламара, то, что сделали вы, что сделал Ламар. То, что случилось с людьми в Оклахоме, с людьми, которые никогда не слышали о Джиме Пае...

– Он – Джимми Пай, – поправил Боб. – Его звали Джимми.

– Пусть так. Как бы то ни было, эти люди стали жертвами злобы, которую Джимми передал по наследству своему сыну. Могла бы получиться потрясающая книга. Жаль только, что никто из настоящих писателей не заметил этой связи. А я заметил и напишу об этом. Книга будет называться «Американцы». Я расскажу о Джимми Пае и Эрле Свэггере, а также о сыне Джимми, Ламаре, и бедняге полицейском по имени Бад Пьюти, который убил его. Это же такие невероятные параллели. Два преступника, отец и сын, только что вышли из тюрьмы. Два сержанта полиции. Два жестоких ограбления. Опасные, жуткие перестрелки, схватки не на жизнь, а на смерть. Это... это будет потрясающая книга.

Боб лишь взглянул на парня.

– Там ничего не будет сказано о событиях девяносто второго года, о том, что произошло с вами, об обложках «Тайма», «Ньюсуика» и так далее, – продолжил Расс. – Я не хочу писать о Вьетнаме. Я напишу о том, как сын унаследовал от отца привычку к насилию, а два служителя закона преградили им дорогу, сказав: «Все, хватит, со злом надо покончить, сейчас, здесь, на этом месте». Ваш отец поплатился за это жизнью, у моего – вся жизнь пошла наперекосяк.

Боб не верил, чтобы тот или другой сержант в те долгие страшные ночи говорил себе: «Все, хватит, со злом надо покончить, сейчас, здесь, на этом месте». Так говорят только в кино. А его отец и отец Рассы, скорей всего, думали: «Господи, не дай мне умереть сегодня». В кино никогда не передают это правдиво.

– Боб... – промолвила Джулия. – Отцу нужно отдать должное. Это было бы замечательно. Он достоин того, чтобы его помнили и чтили, даже теперь, сорок лет спустя.

– Что нужно от меня? – спросил Боб.

– Ну... главным образом ваше благословение. И кое-какая помощь, по мелочам. Я надеялся, что вы согласитесь рассказать мне о своем отце, поделитесь воспоминаниями о нем. Не только о том вечере и его последствиях, а вообще. Мне интересно, каким человеком он был. Я также подумал, что, возможно, у вас сохранились кое-какие материалы: фотоальбомы, статьи, письма. То, что помогло бы мне воссоздать события и его образ.

– Угу, – уклончиво протянул Боб.

– И наконец, я надеялся, что вы сможете получить информацию от других. Знаю, как неохотно люди откровенничают с незнакомцами, особенно молодыми и приехавшими из других мест, хотя Лотон, штат Оклахома, где я родился, довольно близко от Блу-Ай и Форт-Смита. Если бы вы позвонили или дали рекомендательное письмо... Ведь это будут устные воспоминания. Все материалы судебного разбирательства, а также вещественные доказательства погибли во время пожара в девяносто четвертом году. Они хранились в пристройке к зданию суда округа Полк, которая сгорела дотла. Огонь уничтожил все: и отчеты об операции, и медицинские заключения. Из газет я знаю, что произошло, но хотелось бы поговорить с людьми. Я даже писал арканзасскому конгрессмену и обоим сенаторам, а также другим влиятельным лицам, – просил помочь с доступом к информации. И получил в ответ обычные отписки. А вот с помощью Боба Ли Свэггера... – Расс замолчал. Его красноречие иссякло. – Вот. Это все, что я хотел

сказать. Э... может быть, вы поразмыслите над моим предложением? Подумайте, ладно? Я не торгаш. Ничем не торгую. Это не мое призвание. Я не хочу причинять вам неудобства...

– Так, – перебил его Боб, – теперь выслушай меня. Я мог бы солгать тебе, сказать, мол, хорошо, подумаю, а сам стал бы муржить тебя. Но я говорю честно и прямо: нет.

– Боб...

– Джулия, нет. Позволь мне решать самому. Я не могу согласиться. И хватит об этом. Я похоронил отца и пошел своей дорогой. Я не могу наговаривать на магнитофон... такие вещи... О них нельзя писать. Это... это чудовищно.

Расс не отчаялся, не утратил рассудительности.

– Да, – произнес он. – По крайней мере, вы верны себе. Только позвольте добавить еще кое-что. Я постарался бы воздать должное вашему отцу, почтить его память. Для меня он – герой. Он оставался верен своей семье. Я понимаю, возвращаться в прошлое больно. А главное, ради чего? Чтобы помочь написать книгу парню, которого вы впервые видите? Ладно. Пусть так. Но я все-таки постараюсь осуществить задуманное. Я вроде как связал себя обязательствами. Я ведь уволился с работы и намерен все свое время посвятить книге. Ну что ж... прошу прощения. Очень благодарен, что согласились выслушать меня. Ценю вашу прямоту.

– Удачи тебе, Расс. Кажется, ты хороший парень. И отец твой, похоже, был настоящим мужиком. Жаль, что он так обошелся с вами.

– Да. Пожалуй, мне пора.

Расс поднялся и неуверенно протянул Бобу руку. Тот пожал ее, и гость, спустившись с крыльца, зашагал к своему грузовичку.

– Боб, – промолвила Джулия. – Ты уверен...

Боб повернулся, и она разглядела в его лице то, чего прежде никогда не видела. Страх.

– Не могу возвращаться туда, – объяснил он. – Не могу вновь переживать тот кошмар. Я чудом выдержал все это. А мать не выдержала. Пусть прошлое остается в прошлом.

Глава 6

– О боже, Джимми! – проговорила она.

Доносившийся издали голос зазвучал отчетливее, когда Эрл приблизился к аппарату. Он различал знакомые интонации речи парня, который вырос на его глазах.

– Лапочка, о господи, мне так жаль, – говорил Джимми. – Я тут такого натворил, бог мой. Даже не знаю, как получилось.

Эрл неуклюже топтался возле Эди, злясь на свою беспомощность. Как защитить ее от Джимми?

– Джимми, прошу тебя, не убивай больше никого.

– Не буду, клянусь.

Эрл душил гнев. Что делать? Как поступить? Он всегда был уверен в себе, действовал решительно в любой ситуации – на охоте, на войне, на службе, – когда надо было найти выход из затруднительного положения. А сейчас растерялся, словно безмозглый идиот. Не позволяя гневу затмить рассудок, Эрл заставлял себя думать, думать.

Фактически это можно расценить как побег из тюрьмы, а полиция в таких случаях почти всегда подключает подслушивающие устройства к телефонам людей, к которым может обратиться беглец, и, как только тот вступит в контакт с одним из них, устраивает облаву. Но успел ли департамент это сделать? Ограбление произошло около полудня. Сейчас четыре. Миновали считанные часы. Нет, вряд ли успел.

А вот Бетти Хилл! Эта телефонистка, как правило, слушает чужие разговоры, соединяя абонентов округа Полк. Вполне вероятно, что она подключилась и сейчас. А если так, кому она позвонит? Шерифу? Может, даже ему, Эрлу!

– Выясни, где он находится, – почти беззвучно, одними губами, попросил он Эди.

– Джимми, боже мой, где ты?

– В одном магазине неподалеку от Малбери. Звоню из автомата. Он в тихом закутке, так что нас никто не видит. Мы бросили две машины и угнали еще одну.

– О Джимми! Тебя поймают!

– Милая, слушай. Со мной все кончено. Мне придется отвечать. Я – конченный человек. Мне крышка. Ты свободна. Я люблю тебя, но отныне ты не должна связывать со мной свою жизнь. Лапочка, я преступил черту. Возврата нет.

– О Джимми, Джим...

– Слушай, нужно помочь Бубу. Он делал только то, что я ему велел. Сейчас сидит в машине и скулит, призывая маму. Не хочу, чтобы меня упрекали, будто Буб погиб по моей вине или из-за меня попал в тюрьму.

– Джимми, я...

– Лапочка, найди мистера Эрла. Мистер Эрл сообразит, что делать.

– Дорогой, он здесь.

– Слава тебе господи! Дай его сюда!

Эрл взял трубку:

– Джимми...

– Эрл, только не надо объяснять мне, что я натворил. А то я сам не знаю.

– Что, черт побери, произошло?

– Я хотел раздобыть немного денег, уехать в Лос-Анджелес, стать знаменитым артистом. Не по мне гнуть спину на лесопилке, жить из милости в доме богатой леди.

Эрл сокрушенно качал головой.

– Теперь у меня большие неприятности, – говорил Джимми, – и я должен все уладить. Должен спасти Буба. Можете устроить для меня сделку?

– Лучше сдайся властям.

– Так вот, Эрл, мои условия таковы. Я признаюсь в совершении убийств, и власти, если им так нравится, могут изжарить меня. А они, думаю, не откажутся. В обмен на мое признание Буба должны судить только за соучастие в ограблении, в крайнем случае за непредумышленное убийство. Пусть ему дадут не больше года. Учтите, он должен отбывать наказание не в тюрьме строгого режима, а в какой-нибудь колонии, где его никто не будет допекать.

– Я не могу ничего обещать, пока не поговорю с прокурором округа Себастьян. Самое лучшее для тебя – сдать первого представителю закона, которого ты увидишь, и признаться во всех убийствах. Я позвоню Сэму Винсенту и...

– Нет! – закричал Джимми. – Черт побери, мистер Эрл, эти ребята разорвут меня в клочки. У них автоматы, пулеметы, дробовики, собаки. Ведь я убил полицейского. Они жаждут крови. Стоит мне выйти с поднятыми руками, как я, видит бог, тут же стану трупом, а рядом будет стоять, самодовольно улыбаясь в объективы, какой-нибудь легавый. И бедняге Бубу тоже не поздоровится!

Джимми, конечно, прав, рассудил Эрл. Слишком много горячих голов. Он вспомнил идиота Бадди Тилла и его автомат с диском на полсотни патронов. Уж этот-то готов начать пальбу в любую минуту, лишь бы прославиться на весь штат. Как же, герой, поймал Джимми Пая! Джимми наверняка будет убит, а вместе с ним, пожалуй, и бедняга Буб, и, может, невинные граждане, которые случайно окажутся рядом. Черт побери, Джимми, ну и кашу ты заварил!

– Мистер Эрл, я сдамся вам! Вы сможете заковать нас обоих в наручники. А после, умоляю, позвольте мне минуту-две побыть с Эди, последний раз побыть с ней. Обещайте, что вызовете Сэма и поможете Бубу. Я понимаю, это слишком много, но прошу вас, мистер Эрл, пожалуйста. Я верю, вы не откажетесь помочь.

– Как, черт побери, ты собираешься добираться сюда?

– Это не проблема. До темноты мы никуда не тронемся, а проселочные дороги я знаю как свои пять пальцев.

– Джимми, больше никто не должен погибнуть! Тебе ясно? Поклянись.

– Клянусь, Эрл. Обещаю. Я все продумал. Ждите меня в одиннадцать. Клянусь, больше никто не пострадает.

Эрл помрачнел. Ему это совсем не нравилось. Джимми преступил черту; ему нельзя давать поблажки. Он способен обмануть.

«Не теряй хладнокровия, – твердил себе Эрл. – Живи по своим законам. Существуют законы, вот по ним и надо жить!»

Но ведь Лэнни Пай, отец Джимми, просил его, Эрла, присмотреть за сыном, просил помочь мальчику. Разве от этого можно отмахнуться? Он дал ему слово на Иводзиме. Как же он забудет про свое обещание? Гори она огнем, его сердобольная душа.

– Чуть ниже Уолдрона, примерно в десяти-двенадцати милях, есть кукурузное поле, – сказал Джимми. – Справа от Семьдесят первого шоссе.

– С какой стороны от Боулза?

– Со стороны Форт-Смита. Сразу же за Боулзом. По правую руку, как будете ехать. За горами.

Последние десять лет своей жизни Эрл провел на Семьдесят первом шоссе.

– Понял.

– Через кукурузное поле – дорога. Буду ждать на ней, заеду вглубь ярдов на сто.

– Нет, я буду там первым, Джимми. Хочу увидеть, как вы подъезжаете. Направлю на вас фонарь. Вы выйдете из машины с поднятыми руками, ты и Буб, оба. Покажете мне свое оружие и бросите его на землю.

– Хорошо, мистер Эрл. Это по-честному. В одиннадцать.

– В одиннадцать. Если на тебя наткнутся раньше, сдашься, понятно? Больше никто не должен пострадать!

– Передайте Эди, что я люблю ее.

– Она будет ждать в городе. Мы доставим вас в Блу-Ай. Я ни на шаг от тебя не отойду. Джимми повесил трубку.

– Да, натворил дел, а теперь будто бы пытается кое-что исправить, – подытожил Свэггер.

Он взглянул на Эди, застывшую у окна, за которым на удалении вырисовывалась фигура Бадди Тилла. Тот стоял, прислонившись к крылу своей машины, и вертел в зубах длинный стебелек.

Эрл снял трубку и дважды нажал на рычаг.

– Коммутатор!

– Бетти, это Эрл. Звоню из дома Лонгакров.

– Ну ты даешь, Эрл. Как заводной бегаешь.

– Что слышно?

– Цветные колготы из-за бедной девочки. Не слезают с телефонов. Подолгу болтают. Джимми Пая тоже вспоминают. Правда, цветным до него нет дела. Их волнуют только собственные проблемы, впрочем, как и всех остальных.

– А об Эди и миссис Конни что-нибудь говорят?

– Народ обсуждает, что они будут делать, когда Джимми поймают. Сочувствуют, очень сочувствуют. И языками чешут. Кстати, тебе тоже достается, Эрл.

– Мне?

– Эрл, ты отменный мужик, но у тебя, как они думают, есть одна неприятная черта. Они считают, что ты слишком задрал нос с тех пор, как президент Трумэн повесил тебе на шею ленту. Говорят также, что если бы ты был пожестче с Джимми, он не вырос бы преступником. Говорят еще... сказать, Эрл?

– Почему же нет, выкладывай.

– Говорят, это послужит для тебя уроком, собьет спесь. Якобы ты пытался устроить сказочную жизнь для Джимми и бедной девушки, а та вряд ли любит его так сильно, как ты всех уверял. Вы с миссис Конни сочинили про них сказку, не зная, как обстоит дело.

– И как же обстоит дело?

– Паи – отребье. И такими останутся. А отребье нельзя подпускать к приличным людям, как нельзя смешивать белое и черное. Эти вещи не стыкуются, и последствия налицо. Ты, Эрл, умный мужик, но иногда ведешь себя как старый слепой дурак.

– Хорошо, Бетти. Спасибо.

Свэггер повесил трубку. Ничего нового он не узнал – такого, о чем бы не подозревал или не догадывался. Важно другое: если бы Бетти слышала его разговор с Джимми, то не сумела бы так искренне разыграть перед ним спектакль. Значит, она все это время была занята – слушала всякие сплетни. Эрл вздохнул свободнее. Если шериф и его автоматчики появятся, когда Джимми будет вылезать из машины, произойдет катастрофа.

Эди сидела и смотрела в окно. Эрл подошел к ней:

– Ну как ты?

Она с улыбкой накрыла рукой его ладонь:

– Нормально, мистер Эрл. Все хорошо.

– Кое-кто говорит, будто мы с миссис Конни пытались устроить ваше с Джимми счастье без вашего ведома. Я об этом даже не задумывался. Если так, прошу прощения. Я хотел помочь. Но иногда помощь оказывается медвежьей услугой.

– Мистер Эрл, вы действовали из лучших побуждений.

– Я поклялся Лэнни Паю, что помогу его сыну. И старался помочь. Но зашел слишком далеко.

– Джимми уже не ребенок, мистер Эрл. Ему двадцать три года. И у него своя голова на плечах. Но не спорю, он обладает даром убеждения, умеет втереться в доверие. Я купилась на его посулы, потому что желала этого. Я даже рада, что так все кончилось. Жаль только, что люди пострадали. А теперь мы все можем начать по новой.

– Что ж, довольно разумно. Ладно, значит, ты в порядке? Тогда я пошел. Надо еще кое-где побывать до вечера. Я...

– Эрл!

– Да...

Он испытал неловкость. Эди впервые обратилась к нему по имени.

– Эрл, я на твоём месте позвала бы на помощь коллег и приказала бы пристрелить Джимми как собаку при малейшем подозрительном движении. И Буба тоже. Эрл, я ему не верю. Ни на грош.

– Эди, я должен дать парню шанс. К тому же я не доверяю своим людям. Они способны устроить напрасную пальбу. Я все улажу, вот увидишь.

– Эрл, миссис Конни сказала бы, что твое слово ничего не значит для убийцы. Ты обязан в первую очередь позаботиться о себе.

– Нет, это единственно верный путь, – возразил Эрл. – Так подсказывает мне сердце. Мы разберемся с Джимми, а затем отыщем убийцу чернокожей девушки.

В глазах Эди засветился огонек, которого он прежде никогда не замечал. Она смотрела на него с нескрываемым восхищением.

– Эрл, миссис Конни говорит, что ни один человек не тащит на своих плечах столько забот, сколько ты. И это дело ты раскрутишь. Откуда берутся мужчины вроде тебя? Почему мне вовремя не встретился такой?

– Такие растут на деревьях, пачками. Ты еще молода. Еще встретишь немало хороших людей. У тебя впереди замечательная жизнь.

Он не помнил, чтобы Эди когда-нибудь смотрела на него так, как сейчас, в конце этого долгого тревожного дня. Мягкий свет освещал ее красивое серьезное лицо. Она еще совсем молода. Никогда прежде он не позволял себе смотреть на нее. Чужая дочь, чужая жена. Самая красивая девушка во всем округе. Ну и что? Он женат на хорошей женщине, растит сына. У него столько забот и нескончаемых обязанностей – неупроченный.

– Эрл, – прошептала она.

«Забудь, – твердил он про себя. – Упрямь все это подальше и... забудь».

Глава 7

Тоска по виски порой становилась столь невыносимой, что он просто корчился от боли. Вот и эта ночь выдалась мучительной. Он лежал в постели, вслушиваясь в негромкий посвист теплого пустынного ветерка и тихое ровное дыхание жены. Дочь спала в комнате на другом конце коридора.

Он грезил виски.

Виски изгоняло боль. Виски затушевывало образы молодых парней с простреленными животами, зовущих своих мам. Но мам там не было, был только сержант Свэггер, который звал что есть мочи санитаров, одновременно стреляя из винтовки М-1 по рисовым полям. Виски притупляло смрад дымящихся поселков – тошнотворный запах горелого мяса, паленой соломы и изжаренного буйволиного навоза, витавший в воздухе после того, как «фантомы» сбрасывали напалмовые бомбы. В виски тонула опустошенность, появлявшаяся каждый раз, когда винтовка, ударив в плечо, вновь возвращалась в привычное положение и окуляр оптического прицела настраивался на далекую фигурку человека, теперь уже до неузнаваемости обезображенного смертью, которую принесла пуля весом в 173 грана, посланная со скоростью 2650 футов в секунду. Порой фигурка, прежде чем рухнуть, какое-то время еще пошатывалась на ногах, порой валилась мгновенно, словно тряпичная кукла. Но каждый раз успокаивалась навечно.

В виски растворялось и это горькое воспоминание.

Поздно ночью его разбудил шум, доносившийся с первого этажа, будто там шло какое-то собрание или гуляли гости. Растерянный, немного испуганный, он заморгал, прогоняя сон, и крикнул:

– Папа! Папа!

Возле дома остановилась машина, затем еще одна. Он спал в трусах и футболке с Дэви Крокеттом, которую ему прислали из Чикаго за пятьдесят центов и шесть пробок от бутылок с напитком «Мейсон Рут бир». Футболка шла по почте несколько недель, и теперь он носил ее не снимая – и днем и ночью. Ему было девять лет. Внизу плакала мама. На лестнице слышались мужские шаги. Хруст кожи, скрип прогибающихся половиц, визг шатающихся перил. знакомые звуки. Он слышал их тысячу раз, когда отец возвращался домой поздно, то есть каждый день, так как отец работал по восемнадцать-двадцать часов в сутки. Однако эти тяжелые шаги принадлежали не отцу. Он сел в постели. В комнату вошел мужчина, тоже полицейский. В открытые окна с темной улицы врвался отчаянный писк сверчков. Ночь была ясная, звездная.

– Ты – Боб Ли, я не ошибся? – спросил мужчина в отцовской форме, в шляпе с круглой тульей и незагнутыми полями, не такой, как у ковбоев, и с большим револьвером в кобуре, тоже непохожим на ковбойское оружие.

Мужчина остановился в дверях. Боб видел лишь его силуэт в свете лившемся с лестницы.

– Да, сэр, – ответил он.

– Боб Ли, можно мне войти? Я должен поговорить с тобой как мужчина с мужчиной.

Боб кивнул. Он знал: случилось что-то непоправимое. Перед домом затормозила еще одна полицейская машина.

– Я – майор Бентин. Мужайся, сынок, – сказал человек в отцовской форме.

– Что это значит?

– Сынок... сынок, твой отец погиб сегодня вечером при исполнении служебного долга. Он теперь на небесах, где обретают покой brave солдаты, и полицейские, и все настоящие мужчины, честно исполняющие свой долг.

– Что такое долг? – спросил Боб.

– Я не могу объяснить. Сам не знаю, что это такое. Долг – это то, ради чего и чем живут такие особенные люди, как твой отец, – сказал майор. – Это лучшее, что есть у человека. Вот почему твой отец – герой. Это...

Мужчина замолчал, и Боб увидел, что тот плачет.

Боб покачал головой. Этот рослый офицер оплакивал в темноте смерть его отца: он старался подавить рыдания, но те высасывали из него мужество, которое он с таким трудом пытался сохранить.

Только виски прогоняло воспоминание, это чудовище, которое хотелось потопить в янтарной жидкости, обжигающей язык и пищевод, разливающейся по телу волной надежды и любви, отупляющей ум. Вот для чего нужно виски – чтобы подавлять те давние черные воспоминания, которые, выползая на поверхность из темных уголков подсознания, начинают убивать и душу, и тело. Как сейчас.

Боб сел в постели. Слава богу, что в доме нет виски, иначе он не задумываясь схватил бы бутылку и пил бы, пил, погружаясь в умопомрачительную алкогольную пучину, откуда ему не вынырнуть. До чего же больно, не продохнуть.

Он поднялся – высокий, стройный, сильный мужчина, с лицом, не выражавшим почти ничего, уже с проседью в волосах, но еще не утративший природной способности двигаться бесшумно. Он так долго спал один. Теперь его постель согревает женщина, и он смотрит на нее, безмятежно спящую под простынями. Как она прекрасна. Кто бы мог подумать?

Он выскользнул в коридор, открыл дверь в комнату, где слышалось тихое посапывание дочери, и включил свет. ИКН4 лежала в кровати, свернувшись калачиком; ноздри крошечного носика едва заметно трепетали. Свет потревожил девочку, и она зашевелилась во сне. Это было прелестное маленькое существо с влажной от пота кожей. Глаза прикрыты веками с загнутыми ресницами, ровными и пушистыми, как бахрома на салфетке, над изящными кукольными губками – миниатюрный носик. Она потерла ладонью глаз, поеживаясь с животным наслаждением, и, убрав с лица прядь волос, плотнее закуталась в одеяло. Наверное, грезит о лошадях, подумал Боб, спрашивая себя: неужели и он станет для дочери загадкой, какой был отец для него самого? Он надеялся, что подобное не повторится. Боб выключил свет и, склонившись над маленьким тельцем, осторожно поцеловал гладкую щечку. Его захлестнула невыразимая радость, ощущавшаяся гораздо острее и реальнее, чем тоска по виски.

Ради этого стоило страдать, подумал Боб.

Неожиданно он почувствовал прилив храбрости. К нему вернулось спокойствие, и он, почти примирившись с обстоятельствами, осознал, что именно должен сделать.

Боб прошел по коридору до чердачного люка и потянул на себя вытяжной ремень. Крышка с глухим треском распахнулась, свесившись с потолка, деревянная лестница сползла вниз. Боб залез на чердак и включил свет. Чердак как чердак: беспорядочное нагромождение дорожных сундуков и чемоданов, вешалки со старой одеждой, связки фотографий. В основном это были вещи Джулии, но кое-что принадлежало и ему – пожитки, прибывшие из Блу-Ай в трейлере много лет назад, когда он решил окончательно порвать с оружием. Они занимали не так много места. Боб увидел старый брезентовый мешок с принадлежностями солдата морской пехоты, несколько пар одинаковых ботинок, вешалку со своей синей парадной формой, кожаную охотничью куртку со множеством пряжек и ремешков, несколько потрепанных чемоданов.

А вот и то, что он ищет. Старая коробка от обуви, перетянутая красной лентой. «„Бастер Браун“, полуботинки, размер: С7, цвет: темно-коричневый», – прочитал Боб на наклейке. В далеких пятидесятых он хранил в этой коробке свои выходные туфли. Сквозь слой пыли проглядывала витиеватая надпись, сделанная рукой матери: «Вещи отца».

Боб дернул за ленточку, которая лопнула от его слабого рывка и выпустила на волю призраки прошлого. В воздухе, словно облачко далеких воспоминаний, закружились пылинки.

Боб осторожно снял крышку и, опустившись на колени, как был, в одних трусах, стал перебирать и рассматривать при желтом свете сложенные предметы.

Это было все, что осталось от Эрла Ли Свэггера, солдата Корпуса морской пехоты США, сотрудника полиции штата Арканзас, погибшего при исполнении служебного долга 23 июля 1955 года. Взгляд Боба упал на старые бурые фотографии, отпечатанные на жесткой блеклой бумаге. Он взял их в руки и почувствовал, как его обволакивает та непривычная атмосфера, окружавшая маленького деревенского мальчика с пухлыми щечками. В его чертах еще только проглядывали знакомые контуры, которые позже обретет лицо отца. В этом буром мире были фермерский дом, решетка для выющихся растений, сухопарый мужчина в соломенной шляпе, вырядившийся, несмотря на палящее солнце, в костюм-тройку с накрахмаленной рубашкой и галстуком-бабочкой. Должно быть, этот мужчина с лицом, будто высеченным из гранита, был отец мальчика, то есть его, Боба, дед. На груди у него сияла круглая звезда – эмблема шерифа. Боб также заметил на нем широкий ремень, утыканный патронами, и кобуру, из которой торчала изогнутая рукоятка кольта. Рядом стояла бабушка, угрюмая женщина в бесформенном платье, наверное никогда не улыбавшаяся. Боб перевернул фотографию. «1920, Блу-Ай, Арк.», – прочитал он надпись, сделанную чернилами, которые выцвели от времени. Эта же троика в разных комбинациях – иногда вместе, иногда по двое или по одному – встречалась и на других снимках. А земля не очень-то хорошо кормила их, отметил Боб. На последнем снимке был запечатлен Эрл в возрасте двадцати четырех – двадцати пяти лет, в оливково-серой форме морского пехотинца с тугим воротничком. Стройный, подтянутый, горделивый, с тремя сержантскими нашивками на плече и сияющей офицерской портупеей, перетягивающей широкую грудь. Он поступил в Корпус морской пехоты в 1930 году, двадцатилетним, и довольно быстро дослужился до офицерского звания. Перевернув фотографию, Боб увидел каллиграфический почерк бабушки: «Эрл дома во время отпуска, 1934 г.». С прилизанными волосами, он смотрелся настоящим франтом на фоне белых стен.

Под фотографиями лежали награды, целая коллекция: знаки классности по стрельбе, полученные на службе в полиции (отец был удивительно метким стрелком), звезда и ленты за участие в боевых действиях на Тихом океане, медаль «Пурпурное сердце», две «Благодарности президента» – для военнослужащих Второй и Третьей дивизий морской пехоты, крест «За выдающиеся заслуги», медаль «Серебряная звезда» и, конечно же, главная награда – Почетная медаль Конгресса, кусок металла в форме звезды на выцветшей ленте, некогда небесно-голубой. Боб взял медаль в руки – тяжелая, внушительная. Позолота утратила блеск за долгие годы забвения. Боб вдруг осознал, что впервые разглядывает этот самый почетный символ достоинства, мужества, славы. Отец никогда не показывал и не надевал медаль, а мать, должно быть, после похорон упрятала ее в коробку, чтобы забыть о боли.

Он подержал медаль в ладони, надеясь почувствовать что-нибудь. Никаких ощущений. Кусок металла, побрякушка. У него самого есть медали. Он знает, что испытывает солдат, глядя на свои награды. Отчужденность. Смотрит на них и думает: «Ну и что?» Они так мало объясняют, не имеют никакого отношения к действительности и не передают истинного смысла понятий, которые символизируют.

Приказ о награждении тоже лежал в коробке, датированный 10 декабря 1945 года, отпечатанный на бланке военно-морского министерства – на красивой плотной бумаге с узором, от которой за версту несло показухой. Такой вычурной писульке висеть бы в кабинете зубного врача.

Боб стал читать приказ. Он не мог сказать точно, читал он его прежде или только слышал в пересказе других людей. Отец никогда не говорил о войне.

«21 февраля 1945 года подразделение роты „Е“ 2-го батальона 9-го полка в составе 3-й дивизии морской пехоты под командованием помощника командира взвода сержанта Свэггера попало под интенсивный

перекрестный обстрел пулеметов противника в районе хребта Чарли-Дог-ридж, расположенного в глубине острова на расстоянии двух миль от плацдарма Бич-Ред 2. Все огнеметчики были убиты или ранены. Сержант Свэггер повел свой отряд в обход, но только ему удалось достичь подножия хребта в боеспособном состоянии, остальные солдаты были убиты или ранены. Сержант Свэггер, сам получивший три ранения, подобрался с тыла к первой огневой точке и расстрелял из автомата всех находившихся там солдат неприятеля. Таким же образом, перекатываясь через бруствер и поливая противника огнем, он заставил замолчать еще две огневые точки на линии обороны неприятеля. Когда он добрался до третьей огневой точки, у него заклинило автомат, и он убил двух солдат противника прикладом. Продвигаясь к последнему рубежу обороны противника, бетонному бункеру, сержант Свэггер обнаружил, что у него кончились боеприпасы. Он вернулся на только что уничтоженную им огневую точку и забрал оружие противника, прихватив также несколько гранат. Распахнув стальную дверь, он ворвался в бункер и уложил из ручного пулемета еще тринадцать солдат неприятеля.

Вся операция длилась семь минут, и за это время сержант Свэггер убил более сорока солдат неприятеля и сам был пять раз ранен. Своими отважными действиями он спас жизни тридцати солдат своего подразделения. За беспримерное мужество и наивысшее чувство долга, проявленные в сражении с врагом, сержант Свэггер награждается Почетной медалью Конгресса».

В свое время Боб попадался на глаза снимок, которого сейчас он не обнаружил. Боб вспомнил пожелтевший, высохший газетный листок – тот буквально крошился в руках. На нем была запечатлена церемония награждения. Отец, молодой, подтянутый, с мужественным лицом, в парадной синей форме, стоит перед человеком в очках с простецким лицом уроженца штата Миссури – президентом Соединенных Штатов Америки, который надевает ему на шею ленту. Ну и что? Торжественные церемонии придуманы для кого угодно, но только не для его отца – тот всегда действовал исходя из собственных убеждений и чувств, которыми ни с кем не делился.

Боб положил медаль обратно. Он знаком с войной не понаслышке и знает, что описание подвига отца – это в лучшем случае бесстрастное, упорядоченное изложение голых фактов. Здесь ничего не сказано о том, что он чувствовал, наблюдая, как под очередями его автомата, изрыгающего пули сорок пятого калибра, разлетаются на части японцы. В воздухе висел запах серы, свинца и дыма; со всех сторон стреляли минометы. Опустошение, грязь, мерзость, копоть, вулканическая почва Иводзимы, сотни царапин, порезов, ссадин, оттого что постоянно приходится передвигаться по-пластунски, неопикуемый ужас, жажда крови, наслаждение, удовлетворение при виде расколотых вражеских голов, оторванных рук и ног, страх, что автомат даст осечку, – все это и многое другое не отражено в приказе о награждении.

Да, ты сражался отчаянно, отец, подумал Боб.

Его взгляд упал на предмет, необычный своей заурядностью. Он потянул за кончик и извлек на свет толстую пачку листов – старую книжку с квитанциями для взимания штрафов за нарушение правил дорожного движения на территории Арканзаса. Ну и ну! В ней оставалось примерно двадцать неиспользованных квитанций с прилагающимися к ним копиями в трех экземплярах и пять-шесть заполненных копий, которые были загнуты за корешок. Боб сразу увидел, что эти уведомления о штрафах отец выдал в последнюю неделю своей жизни. Очевидно, он не успел направить документы в суд. Боб пролистал квитанции, заполненные рукой отца: мелкие нарушения на дорогах Арканзаса в течение второй и третьей недель июля 1955 года. «Ехал на машине с поврежденным левым задним фонарем», – прочитал он на одной из квитанций. Были указаны фамилия, адрес и номер водительского удостоверения, а ниже,

в графе «Лицо, наложившее штраф», стояла корявая подпись Э. Л. Свэггера. Две квитанции были выданы за превышение скорости на Семьдесят первом и Восемьдесят восьмом шоссе, одна – за вождение в нетрезвом виде, – обычные мелочи, с которыми ежедневно сталкивается патрульный полицейский на сельских дорогах. Боб с такой силой ощущал присутствие отца, что едва не сгибался под тяжестью его духа, витавшего на чердаке.

Потом он увидел блокнот. Должно быть, у Эрла сломалась ручка – обложка была залита коричневатой жидкостью, которая, просочившись сквозь картон обложки, измазала страницы. Боб перелистывал их по одной, пытаясь разобрать записи. На внутренней стороне обложки он прочитал набор имен: «Джед Поузи, Лам Поузи, Поп Двайер», затем наткнулся на схематичный рисунок человеческой фигурки, от которой были проведены линии к точкам, очевидно соответствовавшим объектам местности. Цифры, судя по всему, обозначали расстояние. Далее упоминались не связанные между собой факты и наблюдения: «Ее перетащили сюда?», «Маленькая Джорджия», «Что вызвало смерть: удар тяжелым предметом или удушение?», «Собрание в церкви? Что за собрание?» Он ни черта не...

Внезапно Бобом овладело непонятное беспокойство. Блокнот жег ему пальцы. Он закрыл его и вновь глянул на обложку. Ему вдруг пришло в голову, что коричневатое пятно, испачкавшее листы, есть не что иное, как кровь. Кровь его отца. Он держал блокнот в руках или в кармане, когда Джимми Пай выпустил в него смертельную пулю и кровь, хлынувшая из раны, залила документ.

Боб смотрел на блокнот с чувством религиозного благоговения, как на предмет, извлеченный из раки святого – кость, прядь волос, клочок одежды. Охваченный священным трепетом, он положил блокнот в коробку. Ему показалось, будто он совершил святотатство. Нет, это выше его сил. Он должен закрыть коробку, засунуть ее в ту же щель, где она пылилась раньше, перевязанная лентой, и стремглав вернуться назад – в счастливую жизнь, которую он наконец-то создал для себя. К своим лошадям, о которых он должен заботиться, к своей дочке, которую должен растить, к своей жене, которой должен помогать. В коробке – только боль и тяжелые воспоминания.

«Нет, продолжай, – приказал себе Боб. – Продолжай, доведи задуманное до конца, пропусти каждую вещь».

Он вытащил несколько газетных вырезок с отрывочными сведениями о событиях 23 июля 1955 года и просмотрел ветхие листочки, не вчитываясь. Только один из них, тоже пожелтевший от времени и ломкий, привлек его внимание. Это была первая страница форт-смитской газеты «Саут-Уэстерн таймс рекорд» за 23 июля 1955 года. Боб прочел заголовок: «ПОХОРОНЫ ОТВАЖНОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО». Он увидел себя, маленького угрюмого мальчика, стоявшего подле убитой горем матери в окружении толпы из людей в форме и в штатском, собравшихся под раскидистым вязом. Центральное место на фотографии занимал священник. Рядом с могилой, вырытой под деревом, был установлен гроб. По крайней мере, могила отца укрыта от палящего солнца. По правую сторону застыли в почетном карауле морские пехотинцы – суровые ребята, наголо стриженные, в белоснежных парадных фуражках с низко надвинутыми на лоб козырьками, в парадных кителях с туго застегнутыми высокими воротничками, как у пуритан. Боб взглянул на свое изображение, но увидел нечто пухлое и расплывчатое, будто он был не в фокусе. А он и был не в фокусе. Тот день почти не отложился в его памяти, хотя сейчас, глядя на фотографию, он начал кое-что припоминать. Мама плакала не переставая, а у него к тому времени слезы уже иссякли. Палило солнце, речи не прекращались. Организовала похороны и руководила проведением скорбного мероприятия женщина по имени миссис Конни, величавая, как вдовствующая королева, – Мать Мужество. Он помнил ее запах, помнил, что она была красивой, сильной, стойкой. Но на фотографии ее не оказалось.

Боб отложил газетный снимок и стал перебирать оставшиеся бумаги – письма от официальных лиц и знакомых с выражением соболезнования и лестными отзывами об отце. Среди

них он нашел послания от командующего Корпусом морской пехоты США; от двух сослуживцев, которые утверждали, что могут сегодня писать только потому, что отец спас им жизнь, одному – на Иводзиме, другому – на Тараве; напыщенные выражения признательности и сочувствия от начальника полицейского управления Арканзаса и губернатора штата; наконец, полуграмотное письмо от некой женщины по имени Люсиль Паркер, которая писала матери, что Эрл Свэггер был замечательным белым человеком, единственным из белых, кто не остался равнодушен к ее горю и обещал помочь найти убийц дочери Ширелл. Что бы это значило?

Столько загадок, разрозненных фактов, незаконченных дел, которые отец оставил после себя. Как ни странно, все они умещались в небольшой коробке из-под обуви, служившей единственным напоминанием о человеке, сделавшем много добра за сорок пять лет своей жизни.

Это то, что надо? Найденные материалы интересуют того парня? Возможно. Боб решил, что утром позвонит Рассу. Пусть забирает коробку с документами. Может, от них будет польза.

На дне оставался еще один листок. Боб взял его и стал с любопытством рассматривать, не сразу сообразив, что держит в руках, скорее всего, последнюю страницу заключения патологоанатома или записи судебного слушания. Остальные страницы, вернее, обрывки страниц, соединенные скрепкой в левом верхнем углу, лежали отдельно. Пробежав глазами текст, Боб понял, что это протокол медицинской экспертизы, где бездушным профессиональным языком описываются раны, полученные отцом. Матери прислали копию заключения, и когда до нее дошел смысл написанного – что-то вроде «транслатеральное отверстие под левым соском, расположенное к груди под углом сорок три градуса, вызвало серьезные повреждения тканей левого желудочка, приведшие к летальному исходу», – как предположил Боб, она, не в силах видеть такую бессердечную, холодную писанину, разодрала протокол в клочки. Почему сохранилась эта страница? Он не знал. Возможно, мать, раскаявшись, вытащила из мусорного ведра то, что уцелело, и спрятала в коробку. Со смертью отца в ее жизни начался печальный закат. Она ненадолго пережила мужа, сломленная горем и в конце концов алкоголизмом.

Значит, это единственная полностью уцелевшая страничка. Боб, глянув на нее, увидел часть перечня вещественных доказательств – то ли баллистической экспертизы, то ли протокола вскрытия. Он хорошо разбирался в оружии, поэтому стал внимательно вчитываться в список предметов, обнаруженных полицейскими на месте происшествия.

«1. Кольт 38-го калибра с изогнутой рукояткой, серийный номер GNY 54669; в барабане осталось четыре патрона».

Это было оружие Джимми – гладкий, блестящий автоматический револьвер, стреляющий пулями со сверхвысокой пробивной силой, от которых не спасает даже бронежилет: такие вызывают болевой шок и убивают наповал. Профессиональный выбор.

«2. Четырнадцать гильз с маркировкой кольта 38-го калибра – от израсходованных патронов».

Значит, Джимми стрелял четырнадцать раз – расстрелял один магазин и половину второго, прежде чем отец убил его. Да, парню нравилось палить. Интересно, какая из четырнадцати выпущенных им пуль оказалась смертельной? Боб покачал головой. Если бы только можно было вернуться в тот вечер и изменить направление полета той пули или вовремя поправить прицел Эрла! Может, все сложилось бы иначе. Но нет: Джимми сделал последний выстрел, убив Эрла ровно тогда, когда тот выпустил в него смертельную пулю.

«3. „Смит-Вессон“ 1926 года, 44-го калибра, особого образца, серийный номер SN 5687300; в барабане – шесть неизрасходованных патронов».

Должно быть, оружие Буба, предположил Боб. Оружие, из которого не было сделано ни одного выстрела.

«4. Полицейский кольт калибра 0,357 дюйма, серийный номер SN YF50873; в барабане – три патрона и три пустые гильзы».

Оружие его отца. Здоровенный револьвер, который Эрл чистил раз в неделю и всегда – после того, как стрелял из него. Вообще-то, большинство его воспоминаний об отце связано с оружием. Отец учил его стрелять, охотиться, чистить оружие, ухаживать за ним и уважать его. Боб никогда не забывал полученных уроков.

«5. Шесть гильз от израсходованных патронов с маркировкой „Ремингтон-357“».

Его отец перезаряжал револьвер – быстро, под сильным огнем, который вел по нему из полуавтоматического оружия парень, имевший в запасе кучу патронов. Славная работа, думал Боб, лучше не бывает.

Непрочитанным оставался только раздел с гнетущим названием «Извлеченные пули». Боб знал, что речь идет о пулях, изъятых из трупов. Последняя часть заключения коронера о физическом механизме смерти.

Хватит ли у него смелости дочитать до конца? Боб вздохнул. Хватит. В отчете указывались три «объекта», то есть три тела, и под каждым стоял перечень извлеченных «предметов». Ничего необычного он не нашел. Узнал только, что Буб был застрелен из револьвера Джимми. Очевидно, тот, раззадоренный перестрелкой, палил во все, что двигалось. Типичный случай. К сожалению, в бою частенько солдаты нередко погибали от пуль своих соратников.

Наконец он дошел до того места, где перечислялись пули, извлеченные из тела отца.

Их было три.

«Две (2) деформированные пули (неустановленного калибра) в медной оболочке имели вес соответственно 130,2 и 130,1 грана.

Одна (1) деформированная пуля (неустановленного калибра) в металлической оболочке весила 109,8 грана».

Боб ошеломленно смотрел на листок, не веря своим глазам. Потом пересчитал еще раз и еще. Цифра не менялась. 109,8 грана.

– Так и думала, что найду тебя здесь, – раздался голос Джулии.

Боб вздрогнул и обернулся:

– Да, я здесь. Предаюсь воспоминаниям.

– Боб, ты должен помочь этому парню. Прежде всего ты поможешь самому себе. Ты ведь с пятьдесят пятого года сердит на весь белый свет. Это надо понять.

– И не только понять, – ответил Боб.

Глава 8

Эрл мчался в сумерках на машине по Восемьдесят восьмому шоссе. Миновав Борд-Кемп, он доехал до своего почтового ящика и свернул на проселочную дорогу, которая вела к его дому. Эрл взял микрофон и послал сигнал вызова.

Новости не радовали. Следователи из департамента полиции штата еще не прибыли на участок, где лежала Ширелл Паркер, и, очевидно, доберутся туда не раньше утра. Шериф мог выделить ночью лишь одного человека для охраны места преступления. Правда, помощник коронера уже приезжал и провел предварительный осмотр тела.

– Сколько он пробыл там? – спросил Эрл по радио.

– Десять минут.

– Десять минут! – заорал Эрл. – Что он мог выяснить за десять минут?

– Да будет тебе, Эрл. Ты же знаешь, мы отправимся к неграм завтра, как только уладим дело с Джимми. Кто-нибудь рано или поздно проболтается. Такой уж там народ. Не умеют хранить секреты.

«А если Ширелл убил кто-нибудь из белых?» – подумал Эрл.

– Ладно. Передай, что я утром сразу поеду туда, и следите за тем, чтобы там никто не шастал. Мне совсем не нравится, что бедной девочке придется лежать в том месте еще одну ночь.

– Эрл, ей теперь все равно, – сказал диспетчер шерифа.

Свэггер дал отбой.

В голову лезли разные мысли; он старался отгонять их.

«Не теряй хладнокровия, – твердил он себе. – У тебя еще много дел».

Но еще больше ему хотелось спать, хотелось наконец-то закончить день, хотелось надеяться, что завтра будет лучше, чем сегодня.

Эрл остановился у дома в окружении вязов, который когда-то принадлежал его отцу. Это было низенькое, но на удивление стройное сооружение с белеными стенами, зеленой крышей и крыльцом. За домом висели веревочные качели и протекал ручей. В конюшне отдыхали четыре добрых скакуна. Вокруг простирались поля площадью в двести акров – тоже владения Эрла. От крыльца к нему бежал сын:

– Папа, папа, папа, папа!

– Ну, как дела у Дэви Крокетта, как поживает папочкин любимый мальчик? – радостно и нежно поприветствовал сына Эрл.

Боб был, как всегда, в енотовой шапке с хвостом, который смешно подпрыгивал на затылке в такт его скачкам. Нелепая штуковина, думал Эрл, однако дети просто помешались на них.

Девятилетний Боб Ли никому не доставлял неприятностей. О таком сыне можно только мечтать. Он уже помогал кое в чем родителям и довольно сносно владел оружием. От отца мальчик унаследовал сноровку и в свои девять лет на удивление ловко обращался с винтовкой. Год назад даже ранил оленя. Чтобы добить зверя, Эрлу пришлось гнаться за ним аж до гор округа Скотт. Эрл подхватил сынишку на руки и стал высоко подбрасывать.

– Уууу! – визжал мальчик.

– Пожалуй, надо крепче держать тебя, Боб Ли, а то, чего доброго, на Луну улетишь!

Эрл опустил сына на землю.

– Мама нет дома, – со смехом сообщил тот. – Миссис Фенсон заболела, и мама пошла отнести ей поест.

– Угу, – отозвался Эрл. Такой уж у жены характер: за всех переживает. – Я только перехвачу бутерброд с чаем и поеду дальше.

– Уезжаешь, папа? – разочарованно произнес Боб. – Тебя *никогда* не бывает дома вечерами.

– Завтра буду, клянусь. Нужно закончить с одним дельцем. Вот улажу его и устрою себе отдых. Не дуйся, сынок. Пойдем лучше посмотрим, что нам мама оставила поесть.

Они вошли в дом, и Эрл в мгновение ока соорудил бутерброды с ветчиной. Открыв две банки с шипучим напитком, он отправился ужинать на крыльцо. Боб последовал за отцом. Они ели молча. Эрл посмотрел на часы: 8:30. До Уолдрона и кукурузного поля около часа езды. Он сунул в рот последний кусок и осушил банку.

– Проводи-ка меня до машины, Боб Ли.

– Слушаюсь, сэр, – ответил мальчик.

Он чувствовал себя на седьмом небе, когда удавалось немного побыть с отцом.

Они дошли до машины. Эрл открыл дверцу, собираясь сесть. Солнце опускалось за горизонт. Мир окутала прозрачная сумеречная тишина. Здесь, в восточном районе округа Полк, горы Уошито меняли свой привычный рельеф, вздымаясь над равнинным морем, словно острова, поросшие сосновыми лесами, в которых кишела дичь. Эрл почти не занимался сельским хозяйством, но был рад, что у него есть участок земли, где можно охотиться. Хорошую жизнь он устроил для своей семьи, думал Эрл.

Неожиданно его захлестнула волна горького сожаления и уныния. Он попытался прогнать неприятные воспоминания, сосредоточившись на идиллии настоящего момента.

– Веди себя хорошо, Боб Ли, – сказал он, крепко обнимая сына. – Передай маме, что я очень люблю ее. Мне нужно уладить только вот это маленькое дело, понимаешь? Потом, возможно, я возьму отпуск. Тяжелое выдалось лето. На рыбалку пойдем, да?

– Да, сэр.

– У меня сюрприз для тебя. Примерно через месяц в Литл-Рок приезжает «Чикаго безэрз». Будут играть с «Нью-Йорк джайэнтс». Я видел рекламу в газете. Матч «Классический футбол Юга». Состоится десятого сентября на стадионе «Памяти героев войны». Закажу билеты. Они довольно дорогие – по три восемьдесят. Ну и что? Только представь: ты, я, мама – все втроем едем в Литл-Рок, ужинаем там, смотрим игру. Нравится такое?

– Вечером?

– Так точно, сэр. Там включают мощные прожекторы и становится светло, как днем.

– Это было бы здорово, – восхищенно произнес мальчик. Правда, в голосе отца ему послышалось что-то странное. – Папа, что с тобой?

– Ничего, все замечательно, – ответил Эрл. – Я... – Эрл озадаченно помолчал, понимая, что должен дать сыну какое-то объяснение. – Я должен арестовать одного плохого парня. Парня, который совершил ошибку. Дурные люди бывают двух видов, Боб Ли. Такой-то парень стал бандитом, потому что захотел им стать. Он сказал: «Буду плохим» – и начал творить зло. Теперь он должен понести наказание. Это один вид. – (Мальчик смотрел на отца.) – Но ты таким никогда не станешь. Люди в большинстве своем совсем другие. Однако порой случается так, что хороший парень, вроде тебя, тоже превращается в дурного. Это второй вид. Такой парень говорит: «Я буду хорошим», но каким-то образом, сам того не желая, не задумываясь, обманывая себя, преступает черту дозволенного и становится плохим, потому что ему так легче жить. Ему не хватает мужества, времени или еще чего-то, чтобы осознать свою ошибку. Может быть, он даже не подозревает, что поступает дурно. Как бы то ни было, он творит зло. Понимаешь? – (Во взгляде ребенка читалась растерянность.) – Ладно, когда-нибудь поймешь. А потом приходится расхлебывать ту кашу, которую заварил. Надо все привести в порядок. Следует отвечать за свои поступки. Понимаешь? – (Мальчик понуро смотрел на отца.) – Значит, не понимаешь. Но когда-нибудь поймешь, я не сомневаюсь. Ты вырастешь хорошим человеком и не совершишь тех ошибок, которые наделал твой несчастный, глупый старый отец. А теперь мне пора. Скажи маме, что я люблю ее и что вечером увидимся, слышишь?

– Да, папа.

Эрл сел в машину, лихо развернулся и отъехал от дома. В зеркале заднего обзора он видел фигурку сына, стоявшего в угасающем свете дня с поднятой рукой. Эрл высунул из окна руку, махнул в ответ и, вырулив на главную дорогу, набрал скорость.

– Это последнее, что я помню, – сказал Боб.

– Взмах руки? – уточнила Джулия.

– Да. Он высунул из окна свою большую руку и махнул, знаешь, такое короткое, быстрое движение. Потом машина свернула на дорогу и исчезла. В следующий раз я увидел его, когда он лежал в гробу с розовым от заморозки лицом и улыбкой продавщицы, а взрослые произносили скорбные речи.

Боб замолчал, вспоминая взмах руки. В этом жесте был весь отец. Короткое мужское приветствие, посланное мускулистой рукой с большой широкой квадратной ладонью. Три желтые нашивки, блеснувшие в гаснущем свете дня; силуэт шляпы на голове человека, отправившегося исполнять нечто под названием «долг» – слово, значение которого ему, Бобу, так никто и не смог объяснить.

– Оставь меня, пожалуйста, – попросил он.

– Как ты себя чувствуешь, дорогой?

– Хорошо. Просто хочу побыть один.

– Я буду внизу. Позови, если понадобится.

После ухода жены Боб заплакал. Заплакал навзрыд. Впервые с 23 июля 1955 года.

Глава 9

В ту ночь Расс опять видел во сне Ламара Пая. Кошмар, как всегда, начался с довольно миролюбивой сцены. Он сидел в баре «Попайз» и ел жирного цыпленка с бобами. Потом появился Ламар, огромный, как дом, дружелюбный, как сама жизнь. Поскольку Расс видел Ламара только на фотографиях, его подсознание, не отягощенное памятью о встречах, каждый раз изобретало новые занимательные детали внешности бандита. Например, в ту ночь Ламар предстал перед ним в клоунском костюме с ярко-красным шариком на носу, под которым сверкали белые крепкие зубы. Весь его облик излучал мощь и великолепие.

Увидев Расса, Ламар подошел к нему и спросил:

– Ты как, крутой парень или так себе, обычный кретин?

Для Расса это был жизненно важный вопрос. Еще одна проверка на прочность. И он заранее знал, что не выдержит испытания. Однако храбро ответил:

– Крутой.

Ламар вперился в него своими злобными, но пронизательными глазами, потом, прищурившись, оглядел с ног до головы и вынес заключение:

– Черта с два, парень.

– Нет, правда, – упирался Расс с обреченностью завязтого лжеца. – Я крутой, правда. Всю жизнь был крутым.

Щеки под клоунскими румянами стали бледными, что свидетельствовало о вспышке ярости; зрачки сузились до размера булавочной головки, выдавая неистовое желание пустить в ход кулак. Но Ламар обуздал свой гнев.

– А я говорю, что ты кретин, и черт с тобой!

Слово «кретин» он сжевал – получилось «кртин».

Расс съехал от страха. Ламар был рослым, сильным, решительным, пронизательным. Он не ведал сомнений, не испытывал сожаления. Словом, по-настоящему крутой парень.

– Ладно, – наконец смиростивился он, – посмотрим, что ты собой представляешь.

Ламар, бог в шутовском наряде, махнул рукой, и «Попайз» исчез, словно по мановению волшебной палочки. Расс вместе с ним перенесся на газон перед отцовским домом в Лотоне, штат Оклахома. Это был славный старый домик, в котором счастливо жили Расс с братом, окруженные заботой и любовью родителей. Из трубы вился дымок (хотя во сне Расса действие происходило в разгар лета), из чего он сделал вывод, что вся семья дома. По воле Ламара Расс в следующую секунду обрел способность проникать взглядом сквозь стены и теперь отчетливо видел внутренние помещения.

Его брат Джефф в своей комнате старательно шнуровал бейсбольную перчатку. Другой мальчишка счел бы подобное усердие пустой тратой времени, но только не Джефф. Он вкладывал в каждое свое движение всю душу, стремясь приладить перчатку таким образом, чтобы она не слишком сдавливала руку.

Мама Расса и Джеффа, Джен, красивая полноватая женщина лет пятидесяти, надрывалась у горячей плиты. Мама всегда что-нибудь стряпала. Ему казалось, что она кормит весь мир. Она променяла свое счастье, свободу, положение в обществе на кухню, неустанно колдуя то над одним блюдом, то над другим, не ропща, не выказывая ни разочарования, ни гнева, ни обиды. Она всю свою жизнь посвятила семье. Расс всегда думал о матери так и никак иначе.

Внизу отец, в полицейской форме, возился с оружием. Сколько Расс помнил, отец постоянно возился с оружием. Вот и сейчас он сосредоточенно чистил револьвер, отрешившись от внешнего мира. Рядом сидела обнаженная молодая женщина, наблюдавшая за этим. Она умоляла отца поторопиться, говорила, что устала ждать, на что тот отвечал: «Сейчас, смажу затвор, и мы пойдем отсюда».

Наконец Расс вновь глянул на верхний этаж и увидел себя – серьезного мальчика, который, как всегда, был занят чтением. К пятнадцати годам он прочитал все, что только можно, причем по два раза. Он читал как ненормальный, буквально глотал книги, пытаясь извлечь уроки из прочитанного. У него было маниакальное пристрастие к отпечатанным на бумаге словам, которое, обогащаясь другой информацией, питало его писательский дар, довольно своеобразный. Ему требовалось немало усилий, чтобы излагать свои мысли гладко, зато он имел богатое воображение и все подвергал сомнению. Почему он так упорно трудился над этим? Чтобы бежать из Оклахомы? Значит, он чувствовал, что Оклахома с ее обывательским уютом, мелким враньем и непритязательными удовольствиями не способна удовлетворить его честолюбие? Значит, он, Расс, считал себя достойным большего? Заслуживал замечательной жизни? Заслуживал всеобщего признания, славы, обожания, которых мог добиться, только живя в Новой Англии? Он не собирался до конца дней своих прозябать в унылых серых городках. Нет уж, увольте.

– Слушай, это же идиотизм, – заметил Ламар. – Ты все сидишь и сидишь наверху. Никуда не ходишь, ничем стоящим не занимаешься.

– Это мой брат – спортсмен, – возразил Расс. – А у меня самого – мозги. И я не хочу тратить их зря.

– Ладно, предлагаю сделку, – сказал Ламар. В его руках, откуда ни возмись, появилась цепная пила. Он с театральной выпендренностью потянул за пусковой шнур, пила ожила и завизжала. – Суть сделки вот в чем: я иду в дом и убиваю всех, кто там есть, а ты стоишь здесь, у этого дерева. С твоей несчастной задницей я разберусь, когда покончу с ними.

– Пожалуйста, не делай этого, – попросил Расс.

– О! И кто же может мне помешать?

– Мой отец.

– Твой отец. Этот старый хрен думает только о своих пушках да о той бабе, мечтая поскорей забраться к ней в постель. А ты и твоя мать ему на фиг не нужны.

– Нет, он остановит тебя. Вот увидишь. Он герой.

– Тоже мне, нашел героя. Смотри.

Ламар вошел в дом и стал совершать злодеяния. Подобные сцены насилия Расс видел в кино, поэтому они разворачивались перед ним по законам кинематографа. Ламар ногой открыл дверь. Молодая женщина вскрикнула. Отец Рассы схватился за револьвер, но на этот раз Ламар опередил его и пилой разрезал обоих. Отец и женщина повалились на пол. На дальней стене заалели два кровавых пятна – две красные розы, совершенные в своей красоте, раскрывавшие лепестки навстречу солнцу. Выдумка талантливого режиссера.

– Видишь, он даже пальцем не пошевелил, – сказал Ламар и стал подниматься по лестнице.

Джен увидела это и сказала:

– Не тронь моих мальчиков, прошу тебя.

– Леди, я беспощаден ко всем, – ответил Ламар и в следующую секунду резким взмахом пилы отбросил ее к холодильнику, заполненному кувшинами, коробками и банками, которые разлетелись и полопались под тяжестью ее тела. Мертвая, она лежала в луже крови, среди великолепия роскошных блюд, забрызганных горчицей, кетчупом и кока-колой – пила не пощадила и их.

Джефф, отважный мальчик, услышав шум, схватил битую и помчался на помощь родным. Но цепную пилу битой и героизмом не возьмешь, нет, не выйдет. Ламар свалил Джеффа прямо на лестнице, и телекамера, больше всего обожающая снимать, как погибают юные и незащищенные, выхватила забрызганное кровью лицо бедного ребенка, в глазах которого угасала жизнь. Остался один Расс. Он читал какую-то глупую, бессодержательную книжку, когда убийца под-

крался к его комнате и пинком ноги распахнул дверь. Рассу нечем было защищаться. Он просил, хныкал, прикрываясь дрожащими руками.

Ламар отвернулся от Рассы, вымаливающего пощаду, и обратился к Рассу, наблюдавшему за происходящим с улицы:

- Ну что, прикончить этого сопляка?
- Не убивай его, Ламар, пожалуйста. Прошу тебя.
- Ты можешь мне помешать?
- Нет, не могу.
- Тогда грош тебе цена в базарный день.

Он шагнул к нему с пилой наготове, и Расс проснулся.

Это был не самый страшный из виденных им кошмаров – сон-кино с нелогичным сюжетом, а не отчетливые сцены отвратительной жестокости и насилия. Такие ему тоже снились, хотя в последнее время стали не настолько ужасными, как раньше. Однажды – дело было в Принстоне – он проснулся от собственного истошного крика. Кто-то из соседей додумался вызвать полицию, и его забрали в участок, чтобы проверить, не накачался ли он наркотиками. В другой раз он от страха свалился с кровати и сильно ушибся. А была ночь, когда он проснулся весь в крови, потому что метался на постели, да так сильно, что порезался.

Итак, сон вполне сносный. По крайней мере, Расс остался жив. Неужели кошмары постепенно отступают? Он не осмелился бы утверждать этого. Укладываясь спать, он никогда не был уверен, что проведет ночь спокойно. Никого в его семье, даже отца, не преследовали во сне такие ужасы.

Но, может, ему одному удалось логическим путем прийти к заключению, что Ламар Пай хотел убить их. То есть всю его семью. Чтобы наказать Бада Пьюти за его прегрешения. Ведь это чистая случайность, подарок судьбы, что трагедия обошла их стороной, что погибли только Ламар и его прихлебатели. Тем не менее по непонятной причине мысль о неминуемой расплате прочно засела в мозгу. Мысль о том, что род Пьюти должен быть истреблен – не по воле случая, не по чьей-то прихоти или злему умыслу, не из-за нелепого стечения обстоятельств, а потому, что так распорядился Ламар Пай, жаждущий мести.

Эта мысль плюхалась на Рассу по ночам, словно черная жирная кошка. Он знал, что незачем выяснять, за кем приходит Ламар Пай: он приходит по его душу.

Расс заморгал. Он все еще был в номере мотеля. Сквозь тонкие дешевые занавески сочился дневной свет. Голова гудела, как с похмелья, хотя он накануне не пил спиртного. Он уснул уже после четырех, а до этого все лежал, спорил сам с собой, строил планы. Очевидно, действовал кофеин, попавший в организм вместе с диетической колой, которой его угостили в доме Боба Ли Свэггера. Расс глянул на часы. Почти одиннадцать.

Дел никаких. Какой следующий шаг? Следующего шага не будет. Может, стоит вернуться в Оклахома-Сити и там поразмыслить над будущим. От этой мысли Рассу стало совсем тоскливо. Все его труды пошли прахом, работа над задуманной книгой не двигалась. Теперь ясно: он вообще вряд ли напишет ее.

Расс принял душ, оделся и заглянул в бумажник: меньше пятидесяти долларов. До Оклахома-Сити ехать почти десять часов – через Нью-Мексико, Техас и половину Оклахомы. На душе было мерзко.

Он побросал в чемодан грязную одежду, уложил багаж в машину, расплатился за номер – на кредитке еще оставались деньги – и заправил свой пикап горючим. Проезжая через Ахо, он притормозил возле маленького бара, в котором так часто обедал.

Он вошел в бар, занял привычное место за стойкой и получил свою обычную порцию замечательного барбекю с кружкой бочкового пива. Обед доставил ему огромное удовольствие. Здорово все-таки готовит эта женщина.

– Что ж, – обратился он к бармену, – тысячу долларов я, конечно, не истратил, но что-то около того.

– Ты молодец, сынок, – сказал тот. – Теперь, насколько я понимаю, ты уезжаешь.

– Да. Я сделал все, что мог. Нашел парня, выложил ему все. В его глазах даже мелькнуло что-то обнадеживающее, как мне показалось. Но не вышло. Он сказал «нет».

– Ты хорошо потрудился, старался не меньше других. Но он – крепкий орешек.

– Крепкий. Ладно, как бы то ни было, ваш барбекю пришелся мне по вкусу. Лучше я нигде ничего не ел. Правда. Скучать буду по вашей кухне. Я...

Тут в баре наступила тишина, а бармен застыл на месте с открытым ртом. Расс глянул направо, налево, но увидел только притихших мужчин с выпученными глазами. Тогда он посмотрел в зеркало на стене за стойкой бара. У него за спиной стоял высокий загорелый мужчина с копной рыжевато-каштановых волос и серыми прищуренными глазами.

– Привет, – поздоровался Свэггер, усаживаясь рядом.

– Э... здравствуйте, – ответил Расс.

– Говорят, здесь отлично готовят барбекю.

– Великолепно, – подтвердил Расс.

– Как-нибудь и я отведаю. Ты еще не раздумал писать книгу?

– Не раздумал.

– Только не о Вьетнаме. И не о событиях девяносто второго года. Договорились?

– Так точно, сэр.

– Вещи собрал?

– Да.

– Тогда, – сказал Боб, – едем вместе в Арканзас.

Глава 10

Главные офисы «Редлайн тракинг» и «Бама констракшн» располагались – как и принадлежит компаниям, ежегодно зачисляющим на свои счета более пятидесяти миллионов долларов, – в роскошном современном здании на Роджерс-авеню, в восточной части Форт-Смита, штат Арканзас. Именно «Бама констракшн» по заказу федеральных властей построила в округе Полк, между Форт-Смитом и Блу-Ай, автомагистраль Гарри-Этеридж-мемориал-паркуэй протяженностью семьдесят миль.

Административные помещения занимали два верхних этажа здания Сьюпириор-бэнк-билдинг, высившегося прямо напротив Централ-молл. Здесь было все, что можно ожидать от штаб-квартир ведущих и притом процветающих корпораций региона. В холлах и демонстрационных залах на фоне стен, выкрашенных в спокойные тона или обитых текстилем, а порой и необлицованных, соседствовали горшки с пальмами и кожаная мебель. Интерьер оформила одна из лучших (и самых дорогих) фирм из Литл-Рока: дизайнеры Форт-Смита не удовлетворяли изысканным вкусам владельцев богатых компаний. В кабинетах «Бама констракшн» юристы, секретари и инженеры трудились не покладая рук над такими перспективными проектами, как торговый центр «Ван-Бьюрен-молл» и жилые дома на Плантерз-роуд, а сотрудники «Редлайн тракинг» занимались организацией грузовых перевозок по сотням маршрутов, контролируемых компанией, и обрабатывали счета: выгодное местоположение Форт-Смита, стоявшего на важной федеральной Сороковой автостраде, между Литл-Роком и Талсой, позволяло городу участвовать в торговых операциях и с восточными, и с западными штатами. В общем, все было устроено замечательно: уютная рабочая обстановка, в которой кипит бурная деятельность. Гармонию нарушало только одно слегка необычное помещение – напичканный антиквариатом огромный угловой кабинет с двумя витражными окнами ярких цветов, из которых открывался потрясающий вид: старый центр, мост через могучую реку Арканзас и даже кусочек Оклахомы.

Этот кабинет – по мнению некоторых, самый красивый в Форт-Смите – действительно поражал воображение. Одну из стен украшали почетные дипломы и семейные реликвии, фотографии знаменитостей и политиков, доказательства благотворительной деятельности и активного участия в общественной жизни – свидетельства больших профессиональных успехов и еще более высокого общественного положения хозяина кабинета, который почти всегда пустовал.

Рэндолл Т. Бама по прозвищу Ред предпочитал проводить время в задней комнате бара «Фламинго Нэнси», расположенного в северной части Форт-Смита, на бульваре Мидленд, на беспокойной границе между негритянским районом и кварталами белой бедноты, где тайцы – в городе их на удивление много – начинают вытеснять вьетнамцев, обосновавшихся здесь гораздо раньше, где простой работяга может сразиться на бильярде с честным, но серьезным противником и выпить пива, и все это за пять долларов, а чужак встретит суровый взгляд, приказывающий ему немедленно удалиться. Возможно, подобные кварталы – ненужное излишество. Чтобы империя – или, по крайней мере, та часть империи, о которой регулярно пишут в газетах, – существовала и приносила доход, Реду приходится по несколько десятков раз в день обзванивать сотрудников среднего звена, потому что все решения он, разумеется, принимает сам. У него прекрасно организованный ум и удивительные математические способности, что, безусловно, помогает в работе. Говорят, он может сложить в уме восемь трехзначных цифр меньше чем за десять секунд. Это не признак гениальности, но, по крайней мере, свидетельство его способностей к вычислениям.

Ред приезжает в бар в десять утра. Свой серый «Мерседес S-600» он оставляет на улице, где никто не смеет даже прикоснуться к его машине, не говоря уже о том, чтобы покорежить

или угнать ее либо приклеить к стеклу уведомление о штрафе за парковку в неподобающем месте. Ред всегда сам садится за руль: он обожает мчаться на работу, стартуя от своего дома на Клифф-драйв, расположенного на возвышении за Форт-Смитом. Быстрая езда настраивает его на деловой лад. Однако перед его автомобилем непременно едет черный «шевроле-капри», в котором сидят два отменных профессионала, имеющих разрешение властей Арканзаса на ношение полуавтоматических пистолетов «Зиг-Зауэр Р-229» калибра.40. Оружие у каждого в кобуре под пиджаком. Эти парни, суровые, хладнокровные, решительные, стреляют отлично. Они носят кевларовые бронежилеты, которые пробьет не всякая пуля. Телохранители всегда рядом с Редом.

Ред не здоровается с Нэнси, потому что Нэнси не существует, а если и существовала когда-то, об этом никто не помнит и помнить не желает. Ред направляется в заднюю комнату, вешает на вешалку дорогой пиджак, садится за большой рабочий стол и пьет черный кофе, который ему приносят из бара в полистироловых стаканчиках. Одновременно он принимает просителей, помощников, посыльных, приглашенных, которые неиссякаемой чередой проходят перед ним, чтобы выслушать его решение или получить назначение. Именно сюда доставляются отчеты о работе принадлежащих ему девятнадцати ломбардов и семи магазинов, торгующих порнопродукцией в Форт-Смите, о деятельности его торговцев героином и крэком, в основном промышляющих в негритянских кварталах, о его шести борделях и семи периферийных ночных клубах, расположенных на противоположном берегу реки, в Оклахоме, а также о жемчужине его ночной империи – клубе «Чокто джентльменз клуб» в Холдене, штат Оклахома, в пяти милях к западу, если ехать по Шестьдесят четвертой автомагистрали: деревенские парни, заплатив пять долларов за вход, сидят, посасывают пиво, купленное по бешеной цене, и суют однодолларовые купюры неправдоподобно грудастым стриптизершам, которые должны отдавать боссу сорок пять центов с каждого доллара.

Сюда же с сообщениями, хорошими и плохими, но чаще с хорошими, являются подотчетные ему боевики и главари местных группировок. Иногда Реду приходится сурово наказывать их за те или иные нарушения – задача малоприятная, но необходимая, от выполнения которой Ред никогда не уклонялся и впредь уклоняться не намерен. Именно здесь, когда возникает надобность, он проводит встречи с Армандом Жиланти, главарем преступного мира Литл-Рока и Хот-Спрингс, или с Джеком Диганом, заправляющим делами в Канзас-Сити, а иногда – с новоорлеанским боссом Карменом Сент-Анджело или Тексом Уэствудом из Далласа.

Говорят, что Ред не расстается со старой комнатой в глубине бара и бильярдной потому, что именно там работал его отец Рэй Бама, создавший великолепную, хотя и небольшую организацию, и погибший в 1975 году от взрыва бомбы, подложенной в его машину; виновника так и не нашли. Ред унаследовал организацию отца и значительно расширил.

Может, так, а может, и нет. Как знать? Во всем остальном Ред не подвержен сантиментам. Он слывет человеком проницательным, дальновидным, жестоким, хотя безбожно потакает своим детям, которых у него в общей сложности пятеро: трое – от первого брака, двое – от второго. Однако отца он чтит как святого. Бама-старший, умный, суровый человек, выходец из низов, за несколько десятилетий сумел пробиться из грязи округа Полк к высотам Форт-Смита, выстроив свою империю и, что важнее, наметив перспективы ее развития на многие годы вперед. Ред в разговоре со своими женами называет отца «Джо Кеннеди из простого народа».

– Зато ты не Джон Кеннеди, – съязвила как-то его первая жена. – Только по бабам таскаешься, как он.

– А я себя с ним никогда не равнял, – ответил Ред. – Но отца не опозорю.

Реду шел пятьдесят первый год. Он был невысоким мужчиной крепкого сложения, с веснушками на лице, короткими пальцами и лысиной на макушке, которую тщательно пытался сделать менее заметной, коротко подстригая рыжевато-русые волосы. Проницательный взгляд

его синих глаз сразу распознавал ложь. Ред любил серые костюмы в тонкую полоску, голубые рубашки, красные галстуки (обычно фирмы «Брукс бразерс») и черные итальянские туфли из мягкой кожи. Он носил золотые часы «Ролекс» – единственная драгоценность, которую он себе позволял, – и всегда имел в кармане не менее пяти тысяч долларов мелкими купюрами. Оружия при себе он не держал никогда. Ред любил свою первую жену и любит ее по сей день, хотя и развелся с ней, когда она утратила молодость. На конкурсе красоты «Мисс Арканзас» в 1972 году она заняла четвертое место. Свою вторую жену, тридцатисемилетнюю блондинку, он тоже любит. Ее заслуженно признали второй красавицей на конкурсе «Мисс Арканзас» 1986 года. А ведь обе его жены завоевали призы в те годы, когда в состязаниях участвовали претендентки с настоящими грудями и победы присуждались за красоту, а не за активное участие во всяких глупостях на благо общества, таких как кампании за спасение китов, разговоры в пользу бездомных и прочие бессмысленные общественные движения, которые ведут Америку к гибели. Спросите об этом Реда: он вам расскажет, что почем. Для него это большой вопрос.

Ред любит своих детей. Любит своих жен. И ни в чем не отказывает ни женам, ни детям, ни себе.

Сейчас перед ним сидит угрюмый мужчина в форме сотрудника управления шерифа округа Полк. Ред жадно поедает глазами цифры сводок игорных заведений.

Наконец Ред поднимает голову и устремляет взор на человека: он и сам некогда был таким же, но избежал его судьбы, потому что Бама-старший мужественно восстал против обстоятельств и вышел победителем в борьбе с серостью и ничтожеством. Но Ред хорошо знаком с этой породой людей. Белая шваль: безжизненный взгляд, мордочка с кулачок, как у хорька, долговязая фигура, неподвижная поза, густая шевелюра. Всем своим обликом этот человек излучал угрозу, коварство и тупость. Ред знает, что люди, способные на большие дела, редко справляются с повседневной работой.

– Итак, Дуэйн, – заговорил Ред, – здесь у меня информация о тебе – и хорошая, и плохая.

Вместо ответа Дуэйн Пек издал цокающий звук, проведя языком по зубным протезам. Он всегда, когда нервничал, начинал отвратительно гонять языком слюни, но Дуэйну побаивались делать замечания.

– Ты ведь любишь азартные игры, не так ли, Дуэйн? А госпожа Удача в последнее время на тебя осерчала.

– Пожалуй, что осерчала, – согласился Пек.

– Я вижу, ты наоставлял векселей почти в каждом клубе Восточной Оклахомы. Задолжал двадцать одну тысячу Бену Келли. Кено¹⁴ – твоя слабость, Дуэйн?

– Нет, сэр. Я предпочитаю карты.

– А воображение у тебя есть?

Дуэйн задумался, сощурился и без того узкие глаза, однако так и не сообразил, чего добивается Ред, и вновь воззрился на него тупым взглядом.

– Я хотел спросить вот о чем, – продолжил Ред, – ты запоминаешь карты и масти? Чувствуешь, когда карта идет, когда в колоде осталась твоя карта или, наоборот, когда ее там нет? Речь не о том, чтобы считать карты, – это дело профессионалов. А вот чутье на карты у тебя есть? Интуиция? Большинство хороших картежников чувствуют игру. И считают, как правило, хорошо. Сколько будет сто пятьдесят три плюс двести сорок один плюс триста четыре?

– Э... – Дуэйн опять прищурился и зашевелил губами.

– Ладно, не бери в голову. Теперь о том, что ты сделал хорошего. Мне сообщили, что время от времени ты оказывал услуги моим коллегам.

– Да, сэр.

– Собирал для них деньги, взимал платежи, так?

¹⁴ Кено – азартная игра, вид лото.

– Да, сэр.

Иногда Дуэйн отрабатывал свой долг, собирая «налоги» для Бена Келли, заведовавшего игорным клубом мотеля «Пин-Дел» в Талихине, штат Оклахома.

– Хм, это хорошо. Кого-нибудь покалечил?

– Да так, кому-то свернул челюсть, кому-то разбил голову, но больше недели никто не провалялся. Правда, одному парню пришлось сломать ногу топором – тот совсем охамел.

– Убийства на тебе есть?

Взгляд Дуэйна стал непроницаемым.

– Нет, сэр.

– Нет, не за время работы в управлении шерифа, Дуэйн, и не с тех пор, как ты начал трясти должников. А вообще.

– Нет, сэр, – упирался Дуэйн.

– Дуэйн, запомни раз и навсегда: никогда не лги мне. Никогда. Спрашиваю еще раз. Ты убил кого-нибудь?

Дуэйн что-то пробормотал.

– Станция техобслуживания компании «Арко», – напомнил Ред. – Пенсакола. Июнь семьдесят седьмого года. Ты был деревенщиной, пристрастился к наркотикам. Несколько раз добывал деньги ограблениями. Но в ту ночь ты прихлопнул парня. Верно, Дуэйн?

Пек наконец поднял голову:

– Я забыл об этом.

– А вот Рэнди Уилкс не забыл. Он сейчас работает у одного человека в Новом Орлеане. Когда занимаешься таким бизнесом, желательно находить с партнером общий язык. Не нашел, значит работаешь неаккуратно. А ты ведь не привык аккуратничать, Дуэйн?

– Шестьсот девяносто два, – объявил Пек, – шестьсот девяносто два.

– Почти угадал, Дуэйн. Шестьсот девяносто восемь.

– Черт побери, – выругался Пек. – Я могу на бумаге сосчитать.

– Это не контрольная по арифметике, Дуэйн. Ты ведь теперь выправился? Больше не злоупотребляешь дурманом?

– Завязал, – ответил Пек. – Разве что вечером по субботам бурбона выпью.

– Вот это мне по нраву, Дуэйн. Ладно. Для тебя есть работенка. Заинтересован?

– Да, сэр, – сказал Пек, дотоле размышлявший, зачем его, мелкую сошку, призвал перед свои очи такой могущественный человек.

– Это частный заказ. Лично для меня. Вот почему ты сейчас беседуешь со мной, Дуэйн, а не с Беном Келли или другим посредником.

– Да, сэр.

– Если сделаешь все как надо, можешь забыть о своем долге в двадцать одну тысячу долларов.

– Сэр, – восторгнулся Дуэйн, – я все выполню. Можете положиться на меня.

– Дуэйн, буду с тобой откровенен. Я мог бы найти парня потолковей. Но у тебя есть одно неоспоримое преимущество. Поэтому выбор пал на тебя.

– Да, сэр.

– Речь идет не о твоей недюжинной потенции. И не о твоем гибком уме. Нет, сэр. Дело в том, что ты – полицейский. – Дуэйн сглотнул слюну. – У меня в Полке назревает небольшая проблема, и я хочу, чтобы за событиями проследил кто-нибудь из местных. Если я пошлю в такое маленькое местечко чужака, это покажется подозрительным. Поэтому мне нужен надежный человек из местных, с официальными полномочиями, который мог бы, не привлекая внимания, беспрепятственно входить куда угодно и задавать вопросы. Согласен, Дуэйн?

– Да, сэр. Вы только скажите, мистер Бама, что я должен сделать.

– Трудно предугадать, как все обернется, – продолжил Ред. – Возможно, тебе придется испачкать руки ради меня. Поэтому я должен точно знать, что ты предан мне до мозга костей, раз я вынужден довериться тебе.

– Да, сэр, – повторил Дуэйн.

– Как ты понимаешь, я человек честный. И если тебя вдруг посадят, в тюрьме ты будешь жить припеваючи. Негры не станут обрабатывать твою задницу. У тебя будет крыша. Честная сделка?

Дуэйн был уверен, что не пропадет в тюрьме. А шанс поработать на такого человека – это бесценно. Ради такого он готов на все.

– Да, сэр.

– Ладно, Дуэйн, тогда слушай. Много лет назад в округе Полк произошла трагедия. Сержант полиции геройски сражался с двумя плохими парнями и убил обоих. Но они тоже убили его. Это о чем-нибудь тебе говорит?

– Нет, сэр.

– Что, история не твоя стихия, Дуэйн?

Выражение лица Пека не менялось. Он флегматично смотрел на Реда, не понимая, что общего у истории со стихией.

– Ладно, в общем, я точно знаю, что один молодой журналист из Оклахомы хочет написать книгу об этом событии. Книгу о реальном преступлении.

Дуэйн тупо кивнул.

– Э-э... за этим надо бы приглядеть.

– Его нужно поколотить, прихлопнуть? – спросил Дуэйн.

Интересный вопрос. Ключевой. Дуэйн с его примитивным хитроумием смотрел прямо в корень. С мальчишкой можно расправиться самым жестоким образом – убить, уничтожить, и все останется на своих местах. Но по закону непредсказуемых последствий его убийство может привести к катастрофе: начнется расследование, возникнут вопросы, которых не задавали много лет.

– Нет, Дуэйн. Но такая возможность не исключена. Давай договоримся вот о чем. Ты держишь меня в курсе всего, что происходит: с кем он встречается, о чем спрашивает, что выяснил. Наверняка он захочет ознакомиться с документами. Ты должен знать, с какими именно. Может, ничего делать не придется, разве что устроить исчезновение некоторых бумаг. Может, придется предпринять более решительные меры, тогда мы дадим людей. Суть тебе знать незачем, да ты, пожалуй, ничего и не поймешь, Дуэйн. Главное – постарайся, чтобы парень узнал как можно меньше и книга не была написана. Ясно?

– Да, сэр.

Ред смотрел на беднягу Дуэйна, словно генерал на несмышленного мальчишку, которого он вынужден послать на разведку в тыл немецкой армии. А ведь в его распоряжении есть гораздо более толковые люди. У него имеются знакомые среди бывших сотрудников ЦРУ и «зеленых беретов», а также опытных специалистов по улаживанию конфликтов в преступном мире. Все это компетентные, настойчивые, опытные профессионалы. Но не местные. Они ни черта не знают об обычаях и нравах такой компактной, маленькой вселенной, как Блу-Ай. Любой из них сразу же привлечет к себе внимание. А Дуэйн, самый жестокий и нелюдимый из всех помощников шерифа Вернона Телла, ко всему прочему, еще и взяточник. Он не вызовет подозрений. Народ его уважает. Значит, это будет Дуэйн. Дуэйн, действующий по указке и под жестким контролем в привычных для него условиях и обстановке. Если его верно направлять, он свернет горы.

– Дуэйн, вот список тех, с кем этот парень, возможно, захочет переговорить, и учреждений, которые он, вероятно, пожелает посетить. Ты установишь за ним наблюдение. Вот номер телефона: первые три цифры – восемь-ноль-ноль. По этому номеру можно звонить бесплатно

с любого телефона в Америке. Я дам тебе надежный мобильник. В его память этот номер уже занесен, поэтому тебе достаточно нажать одну кнопку. Мне будет нужен подробный отчет о событиях каждого дня. Потом нажмешь цифру «один» и получишь от меня дальнейшие указания. Ясно?

– Да, сэр, – ответил Дуэйн. – Только говорят, что мобильники легко прослушиваются. ФБР постоянно этим занимается.

«Соображает», – удовлетворенно отметил Ред.

– Это абсолютно надежный телефон. Чтобы его прослушать, нужно заранее установить дешифратор. Единственное, что они могут сделать, – запросить фамилии обоих абонентов. Но я не думаю, что компания сотовой связи пожелает сотрудничать с ними, – во всяком случае, не теперь, не через год и не через десять лет.

– Почему? – спросил Дуэйн.

– Потому что компания принадлежит мне, – ответил Ред. – Так вот, Дуэйн, действуй аккуратно. Без дела не задирайся. Я слышал, ты не лишен обаяния. Можешь быть дружелюбным, не прочь посмеяться. В общем, рубаха-парень, да? Я хочу, чтобы на первых порах ты вел себя именно так.

– Хорошо, сэр.

– А теперь иди. Я и так выбился из графика, – сказал Ред Бама, глянув на часы. – Надо успеть на футбол, сегодня играет моя дочь.

Глава 11

Во второй половине девятнадцатого века появление вооруженных всадников в Форт-Смите, штат Арканзас, ни у кого не вызывало удивления. Этот грязный шумный городок угнездился у слияния рек Арканзас и Пото. Основанный в 1817 году, к 1875-му он уже насчитывал тридцать тысяч жителей. Форт-Смит стоял у изголовья вытянутой долины, охраняемой с флангов горами Озарк и Уошито, на границе между Арканзасом и территорией, которая раньше звалась Индейской землей, а ныне переименована в Оклахому.

В те дни Форт-Смит – ворота в мир дикого, строптивого Запада – носил прозвище «Ад на границе». Цивилизация в лице судьи-вешателя Айзека Дж. Паркера¹⁵ и его помощников из числа сотрудников федеральных правоохранительных органов предпринимала настойчивые попытки подчинить себе непокорные земли, где царило беззаконие. Более двадцати лет, с 1874-го по 1896-й, Паркер регулярно направлял своих людей на Индейскую землю, чтобы они обеспечивали там порядок. Все были одной породы: жилистые, с глазами-щелочками, весьма практичные и искушенные профессионалы, не обладавшие широким кругозором. Все прекрасно владели оружием и не раздумывая пускали его в ход. На протяжении двух десятилетий Форт-Смит, главный форпост страны, посылал своих солдат отлавливать головорезов и преступников, рыскавших по индейским землям. Из 165 офицеров маршальской службы 65 погибли, выполняя служебный долг; из 234 человек, которых они доставили в Форт-Смит живыми, 79 были повешены по распоряжению судьи. И никто не ведал, сколько бандитов уничтожили помощники шерифа в вооруженных столкновениях. В те дни не считали нужным делать записи обо всем этом.

Теперь все, конечно, по-другому: опытные стрелки, публичные дома и непреклонные судьи канули в небытие. Второй по величине город Арканзаса не блещет оригинальностью. Его центральные кварталы, когда-то считавшиеся самым современным районом к западу от Миссисипи и к востоку от Денвера, оказались заброшены; бизнес и увеселительные заведения переместились на окраины, к торговым центрам «Сентрал-молл» и «Уолмарт». Визитной карточкой Форт-Смита стали два огромных элеватора, вздымающихся над крышами зданий. Отцы города, не терявшие надежды возродить былую славу знаменитого форпоста, отреставрировали старый форт, дом судьи Паркера, бордель «У мисс Лоры» и много великолепных викторианских особняков в аристократическом районе Бель-Гроув, но ощущение, что история совершает свой ход в других местах, так и не исчезло. Широкая Гаррисон-стрит, где прежде устраивали парады солдаты гарнизона, расквартированного в Форт-Смите для предотвращения столкновений между индейскими племенами чероки и осейдж, теперь напоминала красивый рот с наполовину выпавшими из-за гингивита зубами. Самая выдающаяся достопримечательность центрального района, девятиэтажная гостиница «Холидей инн» на Роджерс-авеню, с портиком и диско-баром, где по ночам на всю мощь включали отвратительный рок, представляла собой пародию на «Хайат». Совладельцем отеля была компания «Бама-груп».

Сегодня в Форт-Смит с Индейской земли прибывают не сотрудники маршальской службы и не бандиты. Но среди приезжих порой встречаются крутые, искушенные в своем деле боевики с глазами-щелочками. Один из них – Боб Ли Свэггер. Он едет в сопровождении своего нового юного напарника Расса Пьюти. В сумерках зеленый грузовичок Боба вкатывается в город по федеральному Сороковому шоссе. Холмы округа Секвойя, штат Оклахома, остались позади, и Боба с Рассом окружают огни Форт-Смита. Широкая гладь реки Арканзас, протекающей справа от дороги, остается для них невидимой. Ее заслоняют деревья.

¹⁵ Айзек Паркер (1839–1896) – судья города Форт-Смит во времена Фронтiera. Получил прозвище «Паркер-вешатель», так как за год выносил несколько смертных приговоров.

– Видишь, – говорит Расс, перебирая лежащую у него на коленях стопку статей из газет и журналов за 1955 год, – это лишь говорит о том, какая дерьмовая тогда была пресса. Сейчас мы работаем гораздо лучше.

Боб лишь уклончиво хмыкнул.

– Ну что это за материалы?! – настаивал Расс. – Кому нужна такая информация? Ни один из репортеров даже не был на месте происхождения. Они просто перепечатали полицейский отчет, подготовленный для прессы. Боже, у меня готова сотня вопросов, на которые нужно найти ответы. Как Джимми и Буб сумели пробраться из Форт-Смита в Блу-Ай, когда на них была устроена величайшая облава в истории Арканзаса? Как они наткнулись на твоего отца? Совпадение? Никому и в голову не пришло поразмышлять на эту тему. Ну и главный вопрос: *почему*? Почему Джимми Пай, выйдя на свободу после трехмесячного заключения, в то же утро отправился грабить магазин? И почему с ним пошел бедняга Буб, у которого не было ни одной судимости? Почему они потом остановились в закусочной для автомобилистов, купили по гамбургеру, да еще и стали флиртовать с официанткой? Как это понимать? Так ведут себя парни, которым хочется убедить всех, будто они крутые, будто им море по колено. И потом, почему...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.